

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**ЧУДЕСА, ИЛИ
ИРРЕАЛЬНОСТЬ
ЖИЗНИ
СБОРНИК РАССКАЗОВ**

Оглавление

О КНИГЕ.....	4
Правда	7
Мишель	9
Бег в никуда, или просто жизнь	14
Двойной человек	19
Бег в неизвестность.....	25
Видимость	29
Тайна	35
Загадки Всеволода Самарина	37
Проклятие рода	42
Жизненный период	45
Разговор с собой	51
Иван Непомнящий.....	56
Путаница	63
Вера в себя	66
Цепочка размышлений	71
Почти подарок судьбы	81
Измена	86
Рассказ.....	93

Удивление Степана	96
Понимание	101
Вера в мечту	105
Мечты Семена Шпильмана	108
Настройка	114
Удивление	118
Девушка мечты	121

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

СБОРНИК РАССКАЗОВ

С.А.

Зелинский

**Чудеса, или
ирреальность жизни
сб. рассказов**

Altaspera

CANADA

2014

С. А. Зелинский

Чудеса, или ирреальность жизни

С. А. Зелинский.

Чудеса, или ирреальность жизни. Сборник рассказов.— CANADA.: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc, 2014. — 115 с.

ISBN 9781312355071

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Чудеса, или ирреальность жизни. Сборник рассказов.

рассказ

Правда

Они встретились почти случайно. Он шел по улице, она шла ему на встречу. Поравнявшись друг с другом - внезапно остановились. Он посмотрел на нее, она на него. Вроде как пошли дальше. Оглянулись. И... с тех пор уже не расставались.

.....

Прошло три года. Она говорила, что ей по-прежнему 27. Ему на днях исполнилось 34. Он сменил имя и вместо Влада стал зваться Виктором. Ее все также звали Викторией. Она была красива. Он обаятелен. Она иногда ругала его последними словами, он улыбался и любил ее как прежде. И она его любила. Любила, иногда быть может опасаясь признаться в этом себе. Любила, сожалея о своей холодности, но не решаясь изменить себя. "Чтобы не потерять индивидуальность",-- говорила она. Он улыбался, и ничего не отвечал. А она боялась спросить. Боялась услышать правду.

В чем заключалась эта правда, и в чем она вообще могла заключаться (если допустить что правда была, конечно) Виктория не знала. Виктор тоже не знал. Он лишь иногда задумывался о том, что мир почти также несовершенен как и его женщина. И может потому он любил Викторию еще сильнее. У него был выбор. За день до знакомства с Викторией он познакомился с

Олесей и Юлей. Обе девушки были рослые, красивые, почти сразу допустили в их отношениях сексуальную близость, и вообще, по всему было заметно, что им нравилось внимание к себе со стороны Влада. Тогда он был еще Владом. Это потом он сменил имя. После встречи с Викторией.

У них с Викторией была странная любовь. Схожие лишь на первый взгляд, они действительно казались очень похожи, стоило понаблюдать за ними чуть дольше. А если получалось провести с этой парой сутки, ни у кого не оставалось сомнений что эти люди специально родились, чтобы встретиться.

Так это было. И это было правда. Та правда, что иногда до слез щемит глаза, и которую невозможно не признать, потому что... потому что это была правда.

.....

Почему они расстались?

Были на этот счет разные мнения. По одному, все сходилось на том, что их отношения попросту не могли закончиться браком, потому что не готова была к браку она. По-другому - не был готов он. Наверное надо было спросить у них. Но после расставания, ни Влада (он вернул себе прежнее имя) ни Викторию никто не видел вместе, а спрашивать мнение по отдельности означало внести сумятицу в мысли и погрешности в правду. Ту правду, к которой каждый из них стремился, но так получалось, что у каждого из них правда была своя. Отдельная от другого. И никто из них не считал, что прав был кто-то другой. Допускали, да. Но не верили в это сами. А потому сама правда казалась какой-то ненастоящей. Слишком вымученной, что ли.

А может этой правды никогда и не было. Но тогда получалась, они и правда ее выдумали? Выдумали, чтобы на каком-то этапе собственной жизни сойтись, чтобы после расстаться навсегда. Хотя, кто его знает?..

Сергей Зелинский

25.11.09.

рассказ

Мишель

Мишель носил странное имя, и был, по сути, странен сам.

Черноволосый, с длинными спадающими на плечи волосами и как-то по-особенному худой, Мишель уже с первого вида казался настоящим доходягой. Причем ел он вполне приемлемо, курил, правда, пил немного (хотя в исключительных случаях напивался в хлам. Но не от этого же вес был такой...)

Когда вы в первый раз видели Мишеля, могли подумать что передала вам хиппи или придурок. Ни тем, ни другим он не был. Мишель заканчивал факультет политологии. Ходили слухи, что когда он закончит его, то приведет себя в божеский вид. Учился он неплохо, и судя по всему, просто до поры до времени никто не обращал на него своего пристального внимания. Да и, по сути, демократия в стране. Разрушив Союз демократам сейчас было не до внешнего вида страны. Успеть разворовать бы... Поэтому в какой-то мере молодой человек был предоставлен самому себе. Поэтому и когда студент второго курса Михаил Киселев взял имя Мишель (причем официально заменил паспорт),

никто не обратил на него особого внимания. Ну, может, за исключением самых близких (родных да друзей).

Но и тех и других было немного (из близких - полуслепая бабка, из друзей... ну тех вообще почти не было). Так что, Мишель...

Проходя обучение в университете северной столицы, Мишель захотел перевестись в Москву. В деканате ему вежливо намекнули чтобы не валял дурака, и продолжал учиться дальше.

Мишель стал в позу.

Ему пригрозили взять на карандаш.

Он сказал, что сейчас другие времена.

Ему ответили, что времена другие, а люди те же.

И он вдруг успокоился.

Благополучно доучившись, Мишель все же решил поступить в Москву, но сдав экзамены, не прошел по конкурсу. И благополучно запил.

--Дурачок,--сказала встретившаяся пьяному Мишелю на улице девушка-проститутка (Мишель встретил девушку на Кутузовском проспекте, и отчего-то решил, что она проститутка, что не мешало ему, впрочем, излить ей душу).--Дурачок,--ласково повторила девушка, чуть повиснув на его плече, поправляя туфельку.--Поезжай к себе в Питер (Ленинград уже к тому времени был переименован). Устройся на хорошую работу. И живи взрослой жизнью.

Мишель увидел в словах девушки смысл. Ведь он уже стал взрослым. И тут же задал себе вопрос, почему, если он взрослый - еще совершает детские поступки?

--Не детские, а юношеские,--поправил себя Мишель. Но в целом он уже был со всем согласен.

--Поеду в Питер,--решил Мишель. И тут же подумал о девушке, которой, судя по всему, хотелось выпить. Она ежилась и озиралась вокруг.

--Хочешь выпить?--предложил Мишель, двинувшись вперед. Девушка молча поплелась за ним. Было три-четыре часа пополудни, и молодые люди без труда нашли питейное заведение.

--Что будешь пить?--спросил Мишель, закуривая, и впадая в свою привычную тоску (ставшую привычной в последнее время).

--Виски,--попросила девушка, которая еще как месяц назад приехала из одной из стран бывшего Союза, и потихоньку осваивалась в столице.

--Тогда и я виски,--подумал Мишель, но подошедшей официантке сделал заказ на два коктейля Молотова.

Официантка посмотрела на Мишеля как на придурка, и стала искать глазами охранника-вышибалу.

--Будьте добры два виски со льдом, сок и мороженное,--опредила официантку невольная спутница Мишеля, улыбнувшись ослепительной улыбкой ночной бабочки.

Официантка ничего не сказала, узнав по говору свою землячку, тоже улыбнулась, и видимо хотела даже сказать что-то хорошее, как заметила, что на нее смотрит администратор (администратор, знала официантка, был с бодуна, а в таком состоянии ему лучше не попадаться; уже потом, когда он выпьет свою дозу, с ним можно даже пошутить, но не сейчас,--подумала официантка, и поспешила уйти выполнять заказ.)

--Что с тобой?--спросила у Мишеля девушка-проститутка.

--Пошутил,--признался Мишель, опустив глаза.

--Меня зовут Лиза,--сказала девушка-проститутка, и Мишель, вспомнив, что он не представился, назвал свое имя.

--Мишель?--недоверчиво произнесла девушка-проститутка.

--Мишель,--смутился Мишель, которому сейчас отчего-то стало вдруг стыдно за свое дурацкое имя... дурацкое в стране, где еще помнят нашествие Наполеона,--отчего-то подумал Мишель, и понял, что если он срочно не выпьет, то или сойдет с ума, или договорится до безобразия.

--Ну, а по мне хоть...--подумала Лиза, вспомнив какими только именами не представлялись ее клиенты.

--Скажи, Лиза,--виновато-вопросительно посмотрел на девушку Мишель.--А где ты работаешь?

--В одной организации,--тихо произнесла Лиза, которой всегда было стыдно за свое место работы.

--Я тоже туда устраюсь,--предположил-подумал Мишель.--У вас персонал требуется?

--Не знаю,--задумалась девушка-проститутка.--Надо спросить в отделе кадров.

Мишель на секунду подумал что он ошибся, что девушка проститутка. Хотя тут же посмотрев на ее вызывающую косметику и одежду, понял, что не ошибся. Но грусть уже не могла разлиться по телу, потому как принесли алкоголь, и осушив залпом бокал, Мишель почувствовал, что ему полегчало.

--А хочешь, уедем вместе?--спросил он, обращаясь к девушке-проститутке.

--Куда?--не поняла Лиза.

--В Питер,--ответил Мишель.--Навсегда. У тебя где вещи?

--На работе,--призналась девушка-проститутка.

--Ну так давай их заберем, и айда на вокзал. Ты согласна?

Лиза нерешительно кивнула. Мишель понял это по своему, и заказал еще виски.

Лиза отставила в сторону мороженное, за которое уже принялась (соком она запила виски), и задумалась.

--Да тут нечего думать,--предположил Мишель.--Деньги у меня есть. Купим билет. В Питере у меня своя комната, будешь жить со мной, найдем тебе работу...

--У меня и здесь есть работа...--тихо ответила Лиза.

--Да что это за работа!--в сердцах, было, воскликнул Мишель, да не успел. Принесли заказ, и он снова быстрым движением запрокинув голову, выпил виски.

--Ты часто пьешь?--спросила Лиза.

--Не очень,--признался Мишель.--Но сейчас мне почему-то хочется выпить.

--А как же мы тогда поедem в Питер?--спросила было девушка, но Мишель не дал договорить ей, став ее целовать. Лиза не отстранила его, а как-то даже обмякла под его поцелуями.

--Подожди,--наконец-то нашла время сказать она, пока Мишель на миг замешкался, размышляя вступить в связь с Лизой прямо за столиком, или заказать кабинет.--Подожди,--попросила Лиза.--Поехали на вокзал.

--А вещи?--спросил Мишель.

--Вещи захватим по пути,--ответила Лиза, вставая.

Мишель тоже стал вставать, но тут рядом с их столиком остановился охранник-вышибала, давно уже, как оказалось, следивший за странной парочкой.

Рядом с охранником появилась официантка и подала Мишелю счет. Счет был на такую сумму, которой у Мишеля не было. Ну, или вернее была, но тогда бы не хватило на второй билет.

--У тебя есть деньги?--спросил Мишель у Лизы, и ему стало стыдно.

Лиза отрицательно качнула головой.

--Что же делать?--подумал было Мишель, и вдруг схватив Лизу за руку, рванул к выходу.

Около выхода Мишель оглянулся, и понял что один. Лизу крепко держал охранник.

Мишелю стало стыдно, но он продолжил движение.

--Выкрутится,--подумал молодой человек, который бежал по Кутузовскому проспекту, и уже понял, что нашел повод действительно уехать домой. Он остановился, поднял руку, сел в вильнувшее к нему такси, и поехал на Ленинградский вокзал. Билет до Санкт-Петербурга был у него в кармане. И до отправления поезда оставалось совсем недолго.

Сергей Зелинский

05.02.08 г.

рассказ

Бег в никуда, или просто жизнь

Ему казалось, он знал все или многое.

На самом деле так обстояло дело, что он не знал ничего. Не знал, что его жена давно спит с другим. Не знал, что его подчиненные улыбаются ему только потому, что он им платит зарплату, а на самом деле обсуждают его "за глаза". Он не знал еще многое, узнав которое совсем бы не знал, как себя повел, учитывая, что с детства был невротиком, и с годами не излечился от своего недуга, а лишь научился его маскировать. Да и то, как выяснилось со временем, маскировать неудачно, потому как все, кто имел нечестную душу и грязные мысли - пользовались этим человеком, фактически давно уже его себе подчинив. И если внешне он казался независимым, на самом деле это было не так. Совсем не так, учитывая, что Игорю все труднее приходилось слушать то, что говорит ему его внутренний голос. И не потому, что говорил тот гадости (если бы так,--знал он,--не стал бы обращать на то внимание), а как раз из-за того, что Андреев понимал, что это есть самая настоящая правда. Та правда, от которой он бы хотел избавиться. И как раз та правда, которую он всю жизнь боялся.

Жизнь Игоря Андреева проходила в ключе незаконченных этюдов и не начатых партий. Даже если он к чему-то начинал стремиться, через время мог остановиться, потому что знал, что не добежит дот конца. И даже не то, что устанет. А ему попросту надоест этот бег. Надоест подобное движение, потому что он уже увидит что-то иное, где, как покажется ему, сможет приложить усилия, но все же это тоже не будет так, а то что (и то как) так - он на самом деле и не знал.

Не знал, и в то же время всякий раз начинал сначала. Он начинал, думая, что должен когда-нибудь добежать-завершить начатое. Но всякий раз на его пути возникало нечто новое. И он уже не мог остановиться, чтобы не ухватиться за него. Зная...

Не зная... Не зная и не понимая уже ничего. А действуя скорее по какому-то внутреннему наитию. Которое, на удивление, ни к чему не приводило. А только еще больше запутывало...

2

Жил Андреев на стипендию жены-аспиранта и пенсию бабушки. И не от того, что сам не хотел работать, а скорее причина была в некой общей его "недоделанности". Тогда как все, что он любил и умел - разговаривать. Даже тему мог затронуть интересную. Да все больше такой разговор был на самом деле не о чем. И как понял он это, наверное, и стал с тех пор бегать по жизни. Переходя с одной работы на другую, попутно переругиваясь, пока вот не устроился директором с небольшим штатом сотрудников в компанию по компьютерному обеспечению при как вроде бы крупной корпорации, да о своем месте работы Андреев предпочитал не говорить, а зарплату не приносил.

--А где твоя зарплата?--как-то осторожно поинтересовалась жена Люся, но Андреев посмотрел на нее таким удручающим взглядом, что девушка подумала, что лучше пусть будет муж жив-здоров да при деле, чем свихнется совсем. А когда он в конце года (через год после начала работы на новом месте) пришел с работы и с загадочным видом покрутившись около Люси, достал из кармана пиджака и положил на стол небольших размеров бриллиант, Люся тоже хотела никак не отреагировать (за годы замужней жизни она научилась держать себя в руках), но, то

ли общая усталость-напряжение от жизни, то ли блеск каратов, но Люся не сдержалась и разрыдалась, уткнувшись мужу в плечо (для этого Люсе надо было немного наклониться, муж был ниже ее); а ночью, впервые за последнее время, отдалась ему с таким отчаянием, словно хотела навсегда поглотить его в себя, удержать, и больше не отпускать, чтобы он ничего не придумал нового да шокирующего...

Люся мужа немного боялась, как здоровый человек всегда слегка опасается любого невротика. Когда-то ей хотелось выйти замуж за сильного мужчину. Но, перебирая кандидатуры почти до тридцати лет, она вышла за первого встречного, ну или за того, кто показался ей заинтересованным в ее любви и поддержке.

Поддержка обернулась опасением сказать мужу лишний раз любое слово (дабы не вызвать приступ недовольства в его психике), а любовь была и вовсе мечтой, которую Люся как-то быстро отодвинула в раздел несбывшихся, допуская, впрочем, про себя, что сама во всем виновата, и потому особо не переживая.

Бриллианту Люся радовалась недолго. Проснувшись на другой день и хватившись его, она принялась его искать по комнате (семья Андреевых, решив не жить с родителями, снимала небольшую комнату в большой коммунальной квартире на Лиговском проспекте), да почувяв неладное, позвонила мужу, и уже с первых слов его гундящего голоса догадалась обо всем. А Андрееву... Игорю Андрееву было стыдно за обман. Но он так и не ответил на вопросы жены: фальшивый ли был бриллиант, и куда он его дел, а еще через неделю подумав, что все забылось, Андреев принес супруге набор золотых украшений.

Люся не знала как реагировать, и только округлившимися глазами смотрела на мужа, который по идиотски улыбался и не знал куда деть свои руки, наконец, попытавшись ими приобнять супругу, получил отпор, и успокоился.

Что до бабушки (которая передавала часть своей военной пенсии непутевому внуку), она предпочитала любить Игоря таким, каким он был. Да и старушке так было проще. В свои почти под девяносто она предпочитала без дела не вникать в передраги хитросплетений судьбы. А что до самого Игоря... Ну, так тут как бы было многое вообще загадочно. Например, ходили слухи, что Игорь на самом деле зарабатывает неплохие деньги. Но будучи по характеру... Впрочем, тут был тоже вопрос. С одной стороны (в одной жизненной ситуации) он мог выглядеть человеком, который деньги не считает, транжиря их направо-налево. С другой, он берег каждый рубль. Правда чувствовал себя при этом последней сволочью, и когда наступал удобный момент - растрачивал все.

А еще он не умел радоваться жизни. И по всей видимости очень переживал из-за этого. Хотя и глядя на него было иной раз очень трудно заметить об его истинных чувствах. Но, по всей видимости, это еще смотря с какого бока смотреть. Да и по большому счету, не очень-то любил Игорь Андреев затруднять себя какими-то излишними размышлениями. То есть любил, конечно. Но еще и потому, что он почти всегда после этого как-то по особенному мучился да страдал, предпочитал лишний раз о лишнем не думать. Вопрос был - что еще считать лишним...

3

В один из дней Люся ушла от Игоря. Ушла в никуда. Потому как, сколько он не искал ее (чтобы объясниться), у него

ничего не выходило. Ну а когда он уже не знал что думать (думал повеситься), Люся вернулась, и они стали жить как ни в чем ни бывало. Она ему не напоминала о бриллианте и о том, что он, в общем-то, придурок. А он не спрашивал, где же она отсутствовала почти неделю. Разве что, изредка поглядывая на супругу, Андреев замечал, что после своего возвращения у девушки иной раз как-то неестественно горят глаза. Но по доброте душевной списывал это на что угодно, только не на то, что появлялось в его мыслях. А в мыслях... В мыслях Игоря Андреева все чаще все поглощала одна мысль, что его жена обманывает его. И ведет двойную жизнь. Ну, или что наверняка, жизнь совсем не такую, какой жила раньше.

Но он старался об этом не думать.

Да и зачем лишний раз расстраивать себя. Ведь в жизни еще много будет такого, что он не сможет объяснить. И только позже быть может придет какое видение ситуации. Но то будет после. А он всеми силами стремился жить сейчас. Потому что и сам замечал, что несколько отличается от других.

--Но что ему, по сути, до всех этих отличий,--говорил тогда он себе. И был, в общем-то, прав. Полагая, что в будущем жизнь рассудит. А сейчас необходимо было просто жить. И по возможности радоваться жизни.

Сергей Зелинский

07.02.2008 г.

рассказ

Двойной человек

Смотрел он, конечно, на этот мир, и недоумевал.

--Отчего,--спрашивал себя Ираклий,--так все несправедливо? Отчего,-- недоумевал он,--приходится постольку раз думать над тем, как пробиться на пути, по которому должны идти многие, если не все? Хотя если пойдут все,--тут же замечал он,--начнется что-то совсем не то.

Ираклий обычно дальше не продолжал свои размышления, потому как появлялось тогда уже совсем нечто весьма печальное в его представлении и мире. И даже если предположить, что он ошибался... Хотя, Ираклий в этих вопросах как раз и хотел ошибаться. Уж очень ему было бы непонятно в ином случае думать о чем-то, от чего наверняка стало бы грустно, как знал он. Ираклий вообще о многом знал. И при этом - как-то неохотно делился своими знаниями. То есть можно было конечно предположить, что он и не знал вовсе, но ведь знал. А в его нежелании делиться, Павлик, знакомый Ираклия, угадывал невроз.

Павлик учился в институте психотерапии, каждые полгода добросовестно ездил на сессии в Москву, но работать Павлик собирался в родном Питере; да и к тому же, в Питере жил Ираклий. А по Ираклию Павлик с недавних пор собрался писать диплом. Рассчитывая даже (если повезет), взять Ираклия с собой на защиту диплома. Как бы представить перед комиссией того наяву, на случай если у кого-то возникнут скептические вопросы по поводу того, что такие личности как Ираклий не могут адаптироваться в социуме. А Ираклий адаптировался. И даже неплохо пристроился, что, учитывая то, что он был глубоко патологической личностью, было весьма и весьма непросто.

Прежде всего, Ираклий был психопат.

Но он настолько уверенно скрывал свою болезнь, что сумел устроиться на ответственную должность. И хотя кем он на самом деле работал, предпочитал не распространяться, уезжал на работу он на служебном авто. Это же авто привозило его обратно.

Но что, пожалуй, было наиболее интересно, так это то, что Ираклий был вовсе и не Ираклий. Звали этого человека Федор Васильевич Коростылев. Был он директор научно исследовательского института. Помимо служебной "Волги", было у Коростылева еще два авто ведущих иностранных производителей. Да и вообще, если разобраться, Коростылев был вполне удачливым человеком. Но... Но вот становился он иногда просто Ираклием. Вместо строгого костюма надевал совсем уж демократическую одежду. Да еще и как бы сходил с ума, выпуская наружу все то безобразие, что скрывалось у него внутри. И отчего Павлик Скороспелов звал его "двойной человек".

Причем вскоре Павлик сам отметил некую сумбурность подобного названия. Но уже как бы не собирался ничего менять. Рассчитывая вероятно на то, что те, кто знает Ираклия и Федора Коростылева - поймут все сами. А тем, кому станет интересно - тоже поймут, как только Павлик немного расскажет об этом загадочном человеке, Ираклии.

В иные разы Павлик тяготился общением с Ираклием. И даже стремился снизить это общение до минимума. В то время как знал, что уже не сможет без Ираклия. И даже не потому, что ему нужно было заканчивать диплом (материала он набрал достаточно, и вполне мог обойтись уже без него). А было еще нечто, что заставляло Павлика самого набирать номер Ираклия, и терпеливо ждать, пока тот снимет трубку и ответит...

В зависимости от ответа Ираклия, Павлик мог понять кто перед ним - Ираклий, или Федор Васильевич. Потому как если это был Ираклий, то следовал беспечный ответ уверенного в себе человека, этакого неформала, интересующегося, кому он вдруг понадобился.

Если же в трубке слышался вкрадчивый голос, и по голосу уже было понятно, что этот человек боится самого себя, то тут как бы тоже все становилось понятно. Федор Васильевич Коростылев вообще был осторожным человеком. И предпочитал лишний раз ни с кем не общаться, чтобы не показывать свое патологическое состояние, в котором с недавних пор все чаще пребывал.

И вот эта раздвоенность Федора Васильевича, наверное, внушала и некий трепет Ираклию. Потому как многие стали замечать, что в иных случаях Ираклий начинал вести себя не так, как предписывалась роль, принятая им раньше. И Ираклия вдруг становился другим. Причем сам,-- когда кто-то его внезапно спросил,-- признался, что да, мол, все так и есть. Ему неловко вести жизнь Ираклия. Из чего почти следовало, что он может навсегда остаться лишь в роли Федора Васильевича. Хотя?.. Вопрос тут был все же спорным. И все заключалось в том, что Федор Коростылев просто не мог уже в силу собственного привыкания к образу Ираклия - от Ираклия отказаться. Что, опять же, означало, что он и впредь будет совмещать две роли своего "Я". Причем, если уж говорить совсем откровенно (как, впрочем, и любил всегда Коростылев), Федор Васильевич не смог бы без Ираклия выжить. И не потому, что он так-то уж вжился в роль. Скорей всего тут причины были такого любопытного характера,

что Коростылев попросту вынужден был продолжать пребывать в двух образах.

Кто-то мог сказать, что он хорошо играл, но, тут вопрос скорее оказывался спорным. Да, Федор Коростылев играл в определенные дни недели роль Ираклия, причем играл действительно талантливо. Например, он умудрялся даже имитировать его уклад психики. И если Федор Коростылев пребывал на людях как бы слегка в "прибытом" состоянии, то в образе Ираклия наоборот - он казался разнужданным даже себе. Отчего смущался, а в иные разы удивительным образом и тяготился подобным.

Тогда как случалось и как бы наоборот - он проявлял себя исключительно закомплексованным субъектом. Отчего через какое-то время начинал бояться самого себя. Что, конечно же, не могло ему понравиться. Потому и отказался с течением времени Коростылев от той модели излишне скованного человека, взяв за правило уверенность, хотя, как говорится, против природы не пойдешь, а против собственной психики тем более.

Оттого и стал со временем тяготиться Коростылев образа Ираклия. А Ираклию было стыдно, что иногда вместо него приходит коростылевский образ. И в такие разы Ираклию приходилось становиться по загадочному задумчивым. Но и даже в этой внутренней щеделушности, в душе Ираклия все равно проскакивало нечто, что могло бы, при иных раскладах, изменить его жизнь. Вопрос только, что не так-то просто было ему сразу перестроиться. Верил он, конечно, в то, что не все так просто; но и даже при этой вере существовало нечто еще, что как бы напоминало ему о прошлом. О том прошлом, когда он еще

смотрел на мир в одном лице; и ему не приходилось так расслаиваться, являя собой иной раз и вовсе нечто загадочно-неповторимое, но при этом какое-то излишне мучительное, да и вообще - печальное.

Печальным могла быть вообще вся жизнь Коростылева. Поэтому он и придумал себе образ Ираклия. И погружаясь в этот образ, он отыгрывал в нем весь накапливающийся в душе негатив. После чего становилось ему относительно легко и свободно.

Относительно, потому как со временем стало Коростылеву трудно бороться как с желанием вообще остаться в образе Ираклия, так и никогда больше не использовать тот, потому как - уж слишком мучительным было возвращение. И при этом...

При этом Ираклий тоже со временем начал противиться. Ему стало казаться, что как раз образ Ираклия Коростылев и должен принять за основу. И больше не изменять, начав жить в соответствии с теми правилами внутреннего поведения, который установил уже Ираклий.

Ну а Коростылев противился. Ему хотелось вернуть все обратно. Он даже подумывал о том, чтобы окончательно изжить образ Ираклия из своей души. И при этом видел он, конечно, как тот противился. Как выпирало все время из подсознания Коростылева все то скверное, что он так охотно стал приписывать Ираклию. И что на самом деле было присуще ему,--как заметил ему Павлик, который все больше и больше, видя происходящие метаморфозы с Ираклием-Коростылевым, заинтересовывался наблюдаемым. И по сути, ничто уже не могло его так-то отвернуть

от подобного наблюдения, так как это было и на самом деле интересно.

А еще это помогало в какой-то мере понять жизнь. Ираклий и Федор Коростылев, это были те люди, наблюдая за которыми Павлик в какой-то мере постигал жизнь, природу психики индивида, ну, в общем, все то, что было уже так или иначе, необходимо ему и по учебе.

А учился Павлик хорошо. Он даже подумывал после окончания вуза пойти дальше, в аспирантуру, например. И при этом (об этом Павлик никому, конечно, не говорил), мучился он серьезными внутренними проблемами. Чтобы заглушить которые, быть может и выдумал образы и Ираклия и Федора Васильевича Коростылева. Тогда как на самом деле, вместо них был всего лишь один человек. Павлик Скороспелов. Сумасшедший...

Сергей Зелинский

16 апреля 2008 г.

Рассказ

Бег в неизвестность

Он готов был признать, что многое в своей жизни совершал не так, что это было не правильно, что вообще, то, чего он касался - шло вразрез того привычного хода, к которому было, быть может, даже предрасположено. Точнее - это он считал, что было предрасположено. Считал, опять же, полагаясь на ту критичность, которая возникнув однажды, стала как-то подозрительно развиваться в нем, и к настоящему времени достигла некоего высочайшего предела, хотя и, по мнению Филиппа Воскобойникова, это был еще не предел.

--И действительно, где тот предел?- не раз вопрошал себя Филипп, но судя по тому, что он при этом отвечал, можно было допустить, что ответа у него пока не было. Не было, и может даже быть не могло,--казалось тогда ему, но он не отчаивался, и продолжал собственные попытки, словно бы ненавязчиво стремясь достигнуть того понимания, к которому, в общем-то, и стремился.

Приближая себя, таким образом, к вопросу понимания собственного бытия, Филипп Воскобойников как-то удивительно воспротивился уже этому; и при этом, решил пока продолжать свои рассуждения в том же духе, потому что знал, что если прекратит - все исчезнет. Исчезнет, прежде всего, общее понимание подобного вопроса. Исчезнет, может быть, и еще что-то важное, к чему он неким таинственным образом стремился, но чего пока достигнуть не мог.

--Еще не время,--говорил он тогда, понимая, что когда наступит это время, он на самом деле или не узнает, или легко спутает его со временем другим.

И от того уже получалось, что Филипп Ренуарович (папу называли в честь известного художника) немного сокрушался по поводу этого. Хотя и старался не показывать вида. По крайней мере, внешне.

Филиппу было 30 лет, работал он диктором областного телевидения одного из провинциальных районов России, недостатки малого роста компенсировал за счет высокого кресла и достаточно поставленного голоса, а по натуре был трус, хотя и трусость камуфлировал тоже чем-то, и, по словам коллег, был

всегда приветлив, дружелюбен, и вообще, судя по всему, наделен различными положительными качествами.

Но была при этом у Филиппа одна черта, которая не позволяла Воскобойникову расслабиться ни на минуту. И иногда, расслабляясь на доли секунды, он словно бы вспоминал о чем-то, и вновь становился исключительно собран.

Кто-то считал (из его близких знакомых, которые не знали, сути, о нем ничего, но путем сопоставления о чем-то догадываясь), что эта собранность была следствием какого-то проступка, который совершил Воскобойников в прошлом.

Сам Воскобойников, впрочем, умело обходил какие-либо острые углы, касаемые его жизни, да и вообще, очень хотел (и всячески к этому стремился), чтобы его воспринимали исключительно в сегодняшнем времени. Словно бы времени прошлого не было, да и по отношению к Воскобойникову можно было предположить, что это было так. По крайней мере, так ему очень хотелось.

.....

Однажды Филипп Воскобойников надумал влюбиться. Объект возможной страсти (возможной, потому что окончательно он еще не решил кто будет этим "объектом") Филипп намеревался выбрать в ближайшее время. Но при этом решил подойти к подобному вопросу весьма ответственно, потому и не считал, что должен торопиться. Филипп вообще с недавних пор практически исключил какую-либо спешку из собственной жизни. Ну, или же стремился снизить ее до минимума.

В любых вопросах, по мнению Филиппа, спешка была не нужна. Она вообще могла иметь весьма негативные последствия,

учитывая то обстоятельство, что Воскобойников не очень знал, к чему он на самом деле должен стремиться, разрываясь между будущим и самым что ни на есть настоящим (то есть происходящим с ним в реальности). Это настоящее...

Это настоящее, по мнению Филипп Воскобойникова, вызывало в его душе порой совсем противоречивые чувства. И если с одной стороны, он стремился жить исключительно чуть ли не в будущем, то в другом случае - был благодарен тому прошлому, что у него было. И от того мог признаться (исключительно и только себе), что, по большому счету, платил иной раз двойную ставку за жизнь, запутываясь в происходящей реальности. Запутывался часто он в том, каким должен быть на самом деле. Запутывался иной раз даже в том, каким он был раньше. Он вообще, следовало признать, частенько запутывался. И может быть потому, когда подобное начинало как бы перехлестывать через край, предпочитал значительным образом ускорять жизнь. Да еще и так, чтобы уже невозможно было по настоящему догадаться ни об истинном предназначении пути, ни стремлении самого Филиппа к чему-либо.

Притом все время он действительно куда-то бежал -- даже если двигался шагом. Это вообще была весьма характерная деталь подобного движения Филиппа. Впрочем, может быть ему было так проще. И наверняка (предположим) начинало видеться то нечто, к чему он, в общем-то, и стремился.

И в такое время действительно виделась Филиппу некая безбрежная даль.

И он бежал к ней, бежал в нее, с бессознательным и сознательным желанием погрузиться вовнутрь, и может быть

остаться там навеки. Этот мир, этот иллюзорный мир, который виделся ему, был самым желанным в сравнении с тем, что возникало в воображении Воскобойникова раньше, и, наверное, что вообще могло возникнуть. И Филипп, понимая, что это так, действительно стремился в эту неизвестность. Хотя и до конца еще не осознавая, так ли ему необходимо подобное.

Но бежал. И, по всей видимости, был как раз и характерен таким бегом. Бегом в неизвестность. Веря, что когда-нибудь добежит. Для него становилось очень важным добежать. А что уж будет после - не задумывался. Запрещал себе думать. Понимая, что сейчас, мысли об этом могут ему только помешать.

Сергей Зелинский

07 июня 2008 год.

рассказ

Видимость

Он предпочитал смотреть всегда вдаль.

Он видел небо, видел мир, замечал окружающих людей, да и вообще, если разобраться, не мог пожаловаться на то, что был обделен вниманием. Хотя и, если разобраться, сложно было сказать, где здесь была правда. Скорее всего, правда всегда нечто поверхностное, то, что каждый видит с позиции своего внутреннего восприятия действительности. И Василий Мишкин верил и знал что это так.

Василий Мишкин был чуть выше среднего роста, обычной комплекции, носил окладистую бороду (она, по его мнению, придавала ему солидность), коротко стриг усы (оставляя тонкую полоску над губой), заплетал длинные волосы в косички,

работал секретарем у шефа-гея (хотя сам геем не был), и все чаще задумывался о будущем, которого не было.

Точнее - все чаще ему начинало казаться так. Тогда как раньше он считал почти исключительно иначе. И сейчас почти невозможно сказать, когда произошел в душе его переворот, но он произошел. И вот после этого Василий Мишкин все чаще стал задумываться о жизни, и вскоре уже думал о ней каждый день. Даже, можно было сказать, что фактически жизнь его проходила в каких-то загадочных размышлениях. Природу которых Мишкин пока постигнуть не мог, но всячески стремился достигнуть хоть какого-то понимания. Отчего ему казалось, что в его жизни произойдут великие перемены. Притом что сейчас,-- полагал Мишкин,-- трудно было еще что-то предсказывать. Но то, что так когда-нибудь произойдет - верил. Верил искренне, и даже может быть до одури.

Притом что иной раз начинало казаться ему, что он совершает ошибку. И хоть характер подобной ошибки до конца не просматривался, а черты не распознавались, Мишкин вдруг и действительно начинал, было, чего-то опасаться, как вдруг все исчезало. И уже через минуту он оказывался не способен вспомнить нечто, что действительно могло бы так испугать его.

Но такие минуты уже не расслабляли его. Василий вообще всегда оставался сдержанным в проявлении собственных чувств. И если разобраться, по настоящему узнать -- к чему он стремился - было практически невозможно. Разве что за небольшим исключением следовало допустить, что не стремился он ни к чему, а просто умело маскировал внутреннюю никчемность да неумелость.

Но Василий так не считал. А узнал что о нем думают другие - от шефа-гея. И с тех пор стал шефа опасаться.

Если сделать еще набросок портрета Василия Мишкина, то, пожалуй, следовало бы признать, что был Василий до удивления ответственным человеком. И если он получал какое задание - можно было не сомневаться, что он его выполнит. Выполнит, отчитается о выполнении, и будет жить в предвкушении нового задания.

Косвенно это могло как раз свидетельствовать об его никчемности (несамостоятельности). Так тоже о нем кто-то подумал (но не сказал). Ну а сам Василий...

Сам Василий себя на самом деле любил. Он даже придумал себе несколько разных имен, и называл себя время от времени по-разному.

Но это не меняло,--как предположил шеф-гей,-- сущности Василия.

По природе Василий был человек больше замкнутый, чем общительный. И хотя иногда он любил компании, но если присмотреться, выходило, что сами компании он подбирал таким образом, чтобы слушали его.

Иногда он действительно любил оказываться в центре внимания. И при этом было известно (от самого Василия), что больше всего ему нравилась тишина. Этакая постоянная тишина, когда никто бы ему не мешал, и он мог в течении долгого времени оставаться наедине со своими мыслями.

Собственные мысли Василия никогда не напрягали, в отличие от мыслей окружающих, которых он если и слушал (а он слушал), то почти всегда тяготился подобным "выслушиванием".

Но что-то все равно уберегало его от того, чтобы окончательно замкнуться в себе. И видимо потому, иной раз словно намеренно он стремился оказываться в центре внимания. Быть может, чтобы не считать себя одиноким?

Он действительно задумывался об одиночестве. Но это, скорее всего, были лишь его надуманные мысли. Потому как одиноким он совсем даже не был. И хоть жил один, к нему периодически приходили различные женщины. Которые, впрочем, если и приносили ему тепло и уют, то это было как бы временно, и что уж точно - не могло стать постоянно, потому что Василий умел держать себя в руках. И как только подозревал, что идет в проявлении своих чувств дальше чем необходимо - делал шаг назад.

Он всегда умел делать шаг назад. Можно даже сказать, что как раз этим шагом Василий Мишкин был и характерен. И видимо как раз этим шагом он выделялся, отличаясь от большинства тех, кто о подобном вовсе не задумывается.

А он думал. Он вообще много думал. И хоть смыслового оттенка во всех этих раздумьях было не больше чем казалось, тем не менее, подобные размышления со временем изменили его. И Василий Мишкин стал если не окончательно умным человеком, то производил видимость такового.

Он вообще понял, что не обязательно быть тем или иным - достаточно показывать, что это так. Хотя и подозревал, что подобное возможно лишь при краткосрочных контактах.

Но ведь он и не стремился к каким-то длительным отношениям. Он, если разобраться, вообще мало к чему стремился. И потому уже из-за этого периодически испытывал

определенный дискомфорт. Хотя и, опять же, старался не показывать вида.

Если спросить самого Василия о его жизни, о том какой она была в его представлении, то после начавшегося ответа первоначальный вопрос вообще мог уйти в иную плоскость восприятия реальности, а то даже и запутать самого Василия. И при этом можно было предположить, что Василий так-то уж и не стремился добиться скорого разрешения каких-то (как возникающих, так и давно существующих) вопросов. Такое разрешение если ему и было необходимо, то не сейчас. Да и ответ, можно было бы предположить, он знал заранее. Когда допуская многое - не замечал совсем мелочи. Или же наоборот - его внимание включалось на мелочи, и упускало главное. Тем самым со временем у Василия Мишкина выработалось свое понимание действительности, которое, как предполагал кто-то из его знакомых, вступало у некое противоречие с реальным положением вещей. Мишкин вообще стремился в такое время собственного бытия не замечать это реальное положение вещей. Так ему было проще. Спокойнее. Да и вообще, что самое любопытное, он чувствовал себе увереннее, когда происходило это именно так. Так, а не иначе. Не иначе, потому что иначе его не только бы не устроило, но и могло увести в некую плоскость неправдоподобия относительно той реальности, которая была. А этого ему не хотелось. Василию вообще было спокойнее, когда была только видимость каких-либо положений вещей; притом что он знал, что в иные разы как раз такая видимость может сойти и за самую настоящую правду. И так, по его мнению, становилось возможным потому, что какой-либо одной правды на самом деле не

существует. По крайней мере, он в это не верил. Не верил еще и от того, что знал, что у различных людей всегда будет правда своя. Причем у одного и того же человека правда может меняться в зависимости как от его психического состояния, так и от времени, с которым изменяете все, в том числе и человек. И в этом диалектическом взгляде на мир Василий Мишкин был уверен настолько явно, что мог, наверное, убедить многих. Но не убеждал. Даже не пытался этого делать. Как и вообще не пытался с кем-либо спорить серьезно и долго. Василий вообще тяготел к некоторому одиночеству, предполагая, что в таком своем состоянии ему будет наиболее спокойно, и вообще - свободно. Свободно жить. Свободно существовать. Свободно,--хотя к самой свободе он никогда особенно не стремился.

Но уже тут можно было предположить, что этого на самом деле ничего не было. Что была только некая видимость ситуации, продиктованная определенной необходимостью.

И как раз в пользу этого говорило еще и то, что определенная видимость незримо присутствовала во взглядах Василий Мишкина на мир. И потому наличие этой видимости, даже можно признать - умение спрогнозировать наступление ее, Василий Мишкин ставил себе в заслугу.

И от понимания подобного ему становилось душевно комфортно, внутренне уютно, и необычайно спокойно. А это уже, по его мнению, было вообще самое важное.

Сергей Зелинский

07 июня 2008 год.

рассказ

Тайна

И была у него тайна.

Насколько эта тайна была великой, Таничев не знал. Но он знал, что тайна это существует, и это тайна его. Он, именно он, был ее собственником. А если так,--рассуждал Таничев,--то он не только не обязан такой тайной с кем-то делиться, но и мог распоряжаться информацией о ней по собственному, как говорится, усмотрению.

Он и распорядился. Он мог в какие-то дни судорожно смаковать фантазийные подробности, рождающиеся в его бессознательном, а мог (в другие дни) забыть о тайне вовсе.

Но даже тогда он все равно знал, что тайна с ним. И он не только никому ее не отдаст, но и не даже не расскажет о ней. Не расскажет, потому что Владимир Петрович Таничев верил, что просто обязан жить со своей тайной сам.

Таничев относился к тайне как к невесте, ревновал ее, и предпочитал никому показывать.

Конечно, можно было заметить (и замечали), что подобный взгляд, как и отношение Таничева, к тайне не только слишком субъективен, но и видимо странен. Таничев даже сам не раз (в минуты алкогольных возлияний) о чем-то таком говорил сам себе, но...

Но несмотря на подобное видение ситуации, Владимир Петрович продолжал существовать со своей тайной, веря в нее, и даже немножечко ее скрывая.

Если разобраться, Таничев не знал даже, что из себя эта тайна представляет. Но отчего-то верил (вернее - допускал), что в

настоящем периоде времени все действительно может быть так. Тогда как наступит другой период, и что-то может измениться.

--Ну, или же не изменится,--задумался Таничев. Он теперь часто рассуждал сам с собой. Можно даже сказать, что тайна, наличие ее, в какой-то мере изменили Таничева. Хотя он и не склонен был так-то уж признаваться в наличии подобных изменений. Продолжая рассуждать про себя о многом, и допуская еще больше.

И все же тайна была. Таничев знал, что она существует. Знал, верил, и искренне стремился узнать ее. Но узнать так, чтобы об этом знании не только никто не догадался, но и не догадался даже он сам. Так было ему необходимо. Это служило залогом, что тайна останется при нем. И даже если случатся какие катаклизмы, понимал Таничев, он не изменит своего отношения к тайне. Понимая что это, быть может, единственное, что держит его на свете. Что помогает выжить. Что способствует каким-то его стремлениям, и инициирует достижения.

--А значит,--задумался Таничев,--он никогда не станет делиться этой тайно ни с кем.

И в который уж раз приняв такое решение, Таничев успокоился, и приказал себе думать о чем-то другом. Ему всегда становилось легче, когда он что-то себе приказывал. Легче и спокойнее. Да и к тому же, даже если он не думал о тайне, она все равно оставалась с ним. И это было самое главное.

Сергей Зелинский

3 июня 2008 г.

рассказ

Загадки Всеволода Самарина

Всеволод Самарин любил загадки жизни.

И можно было только предполагать, сколько на самом деле этих загадок приходилось ему разгадывать. Притом что как совсем нельзя отрицать, что Самарин сам для себя придумывал эти загадки. И попробовав однажды, он стал их придумывать не только тогда, когда, собственно, оказался перед мыслью о том, что загадок в его жизни не было. Но и решил неким образом сделать так, чтобы загадки появились. То есть - он их выдумал, как сказал кто-то, из окружения Самарина.

На самом деле считать так, было несколько неправильно. Дело в том, что в своей жизни Всеволод Самарин являл пример достаточно честного человека. И даже если он в чем-то сомневался - считал необходимостью вопрос лучше уточнить, нежели чем доказывать свою - возможную - неправоту.

Ну вот загадки... К загадкам с недавних пор Всеволод подходил достаточно внимательно. Подозревая что те, в общем-то, может и не нужны ему (ну, в том плане, что он может прожить без них), но тем не менее, предпочитал какое-то время поразмышлять над историей вопроса. А после - решил для себя, что загадки ему нужны. Нужны как минимум для того, чтобы тренировать свой мозг. И чтобы научиться в должной мере понимать жизнь. Быть может в каких-то моментах - приспособливаться к ней.

В общем, Самарин решил, что загадки ему действительно необходимы. И что с наличием их у себя - жизнь его может вообще пойти в ином русле.

Да и если только предположить, что Всеволод навообразил себе, но как бы то ни было, он стал жить с загадками. И стал искать загадки в жизни.

В той жизни, которая окружала его. В той жизни, к которой с недавних пор он стал удивительным образом стремиться. К той жизни, которая (можно предположить), была ему действительно необходима.

На самом деле о какой-то необходимости Самарин предпочитал всегда умалчивать.

Дело в том, что Всеволод от природы был очень скромным и застенчивым человеком. И если предположить, что в каких-то вопросах он действительно разбирался, и даже мог считаться специалистом, то в большинстве жизненных случаев он проигрывал остальным. Так повелось еще давно. Быть может поэтому Всеволод Самарин и считал необходимым всяческим образом культивировать в себе способности к анализу действительности. Чтобы этой действительностью хотя бы относительно управлять. И чтобы еще позже научиться таким образом адаптироваться к действительности, чтобы больше она никоим образом не управляла им. Он, только он с этих пор должен был возвыситься над действительностью. И так получалось, что считал Всеволод, что помогут ему в этом загадки. Разгадывание их. Причем если говорить правду, на самом деле ему пока не удавалось разгадать большинство жизненных загадок. Но может так выходило потому, что это было только начало,--рассуждал Всеволод. Рассуждал, и с нетерпением бросался в омут новых нравственных разрешений бытия. Стремясь постичь те принципы,

из которых складывалась жизнь. И которые, как он считал, как раз и составляли основную смысловую нагрузку загадок.

Всеволод вообще предпочитал ко всему подойти серьезно и основательно. Поэтому, как только он решил, что загадки не только могут разрешаться, но и он может принимать в этом непосредственное участие, Всеволод неотступно следовал направлению собственных мыслей. Которые, если и уводили его в сторону, то это было весьма эпизодически, да и продолжалось недолго. В основном все было иначе. Так, как, быть может, и было нужно ему.

Не необходимо, а именно нужно. Как будто схожие понятия Всеволод Самарин таинственным образом различал. Предпочитая все-таки делать все несколько иначе, чем это было принято в обществе, в котором он жил. Он вообще предпочитал всегда отличаться от других. Причем, отличаться не как-то излишне вычурно, а словно бы и так, чтобы не сразу это бросалось в глаза, но было весьма и весьма интеллигентно. И что уж говорить, что у Всеволода Самарина подобное получалось. Точнее, все больше и больше стало получаться в последнее время. Ведь если только предположить, что он действительно стремился на пути к самосовершенствованию; и даже мог (мог и прилагал), к этому определенные усилия, то было бы весьма неправильным в чем-то недооценивать нашего героя. Да и Всеволод казался таким героем для многих людей. Но вопрос в том, что мало кто ему в этом на самом деле признавался.

При этом, если разобраться, он ведь и не должен был выглядеть героем в глазах чуть ли не каждого. Да и не выглядел. Не стремился выглядеть. А если разобраться, Всеволод Самарин

стремился ко многому. Ко многому, но не ко всему. Этот молодой человек удивительным образом умел отделять зерна от плевел. Поэтому, если он чего-то очень сильно желал, то в первую очередь спрашивал себя, действительно ли это так. На самом ли деле ему необходимо было добиваться разрешения того или иного вопроса, или надо было быть проще, и не стоило с головой погружаться в разрешения мучивших его сознание вопросов.

Он думал, и принимал часто решение, о котором не мог предположить раньше. Но при этом Самарин находил, что не все так просто, как хотелось бы ему. И даже закладывал в свои сегодняшние размышления ошибку. Предполагая, что он вполне может разобраться в каком-то вопросе в иной раз. И косвенно допуская, что на самом деле не все так-то уж просто. Просто, но не совсем. И быть может даже требуется какое-то серьезное раздумье над тем, что и как ему на самом деле нужно в этой жизни. Ибо жизнь Самарина текла в ритме иной раз вообще на редкость удивительном. И если только предположить, что он знал почти обо всем, что с ним происходило (предполагал, скорее), то сам Самарин, когда ему намекали на что-то подобное, терялся, смущался, да и вообще - всяческим образом отнекивался. Рассуждая...

Впрочем, о чем он на самом деле рассуждал, мало кто знал. Но почти наверняка было важно то, что Всеволод был человеком скромным, относительно сообразительным, да и вообще, предпочитал о многом говорить не так и не то, как на самом деле было, а так - как того требовали те или иные обстоятельства. И ведь при этом не врал и не подстраивался. Что

было сродни парадоксу, но при этом парадоксе Самарин чувствовал себя отменно.

Да и вообще, если разобраться, Самарин был хорошим человеком. И любил отгадывать загадки. Зачастую предварительно сам их себе загадав.

.....

В разгадывании загадок, как считал кто-то, Всеволод находил себя.

Действительно, глядя на этого немного стеснительного человека, можно было заподозрить в нем всякое. Но и при этом невозможно было не уколоть себя укором совести, за то, что вообще приходится так судить. То есть, можно предположить (как бы выходило из всего этого), что Всеволод если и был понятен кому-то,-- то было это не больше, чем он был понятен и себе. И даже несмотря на то, что был он весьма интересным человеком, тем не менее можно было предположить, что не все так на самом деле было просто в оценке этого человека. И в иных случаях вообще можно предположить, что проекция Всеволода Самарина на жизнь была весьма любопытна. То есть допускалось в этой проекции многое, но и при этом как бы уже выходило так, что не все было правда. Ошибался он, конечно, иной раз серьезно. Но как кто-то сказал - Всеволод ошибался на самом деле не больше, чем остальные. И по большому счету, вполне уже в этом можно было обелить Самарина. Если, конечно, кто-либо пожелает сделать подобное когда-нибудь. Потому как, пока выходило так, что Самарин не нуждался ни в помощи чьей-то, ни оценках кого-либо относительно себя. Ну и жил... Жил.

А загадки? Ну, так Всеволод как-то сказал, что загадки существуют, чтобы их отгадывать. Допуская, что если загадок не будет (или они когда-нибудь - вдруг - закончатся), он их придумает.

Он вообще был интересным человеком. Всеволод Рудольфович Самарин. Один мой знакомый.

Сергей Зелинский

8 апреля 2008 года.

рассказ

Проклятие рода

Есенуарий Георгиевич Капитонов, мужчина средних лет, смотревший, по мнению одной из его бывших жен, в зрелость, проснулся, с одной стороны весьма опечаленным, с другой – со всей решимостью как раз сегодня начать изменять собственную жизнь.

Для изменения жизни ему не доставало, пожалуй, главного: решимости это сделать.

Есенуарий сладко потянулся, почти зевнул, спустил ноги с постели, встал, вновь потянулся, теперь выпрямившись и став как можно выше, после чего уверенными шагами прошел в ванную комнату. Уверенность видимо у него все же была. Но вот как-то не всегда такая уверенность касалась непосредственно жизни. Почему? Да он бы и сам не смог ответить на этот вопрос. С одной стороны высокий, в меру красивый, в чем-то даже действительно решительный, Есенуарий Георгиевич, бывало, совершенно не знал, что ему делать и как жить дальше. То есть можно сказать, что попадал он в некий тупик относительно всего, что предстояло

ему делать дальше. И само по себе понимание этого «дальше» - было каким-то запутанно-непонятным, что для своего же блага практически сразу переставал Есенуарий Георгиевич думать о чем-то не очень хорошем (для него), и начинал просто жить.

Просто жить в его представлении означало ничего не делать такого, что вызывало бы в нем тревогу и недовольство, в какой-то мере страдать, но страдание это направлять в нужное русло.

В зависимости от каких-то неподвластных Есенуарию Георгиевичу причин русло такое могло быть или книгами (в которые погружался он со всей страстью человека, только научившегося читать), или алкоголь (пил тогда Есенуарий безудержно, попутно ругая на чем свет стоит кого-то, известного только ему), или женщины. Без женщин Есенуарий не мог. Причем сами по себе женщины могли быть вымышленными, и поднятыми из глубин его воображения, а могли бы самые что ни на есть настоящие. С настоящими было сложнее. Период ухаживаний Есенуарий всегда пропускал. Для него был важен сам процесс сексуального соития, все остальное, что должно было предшествовать этому, было ему неинтересно.

Потому как подобное требовало приложение совсем ненужных, как он считал, усилий, Есенуарий Георгиевич часто обращал к женщинам вымышленным. С такими ему было проще, всегда свободней, и с ними он мог вполне проделывать все те штучки, что ему как-то по-особенному нравились. Блудил, в общем, Есенуарий Георгиевич в своих фантазиях. Кончал всегда страстно. Нравилось ему всегда подобное. Предавался порой он этому все чаще и чаще. И на каком-то этапе собственной жизни

задумался вдруг о том, почему же все происходит с ним именно так, а не иначе. Был ли выход из создавшегося положения вещей? Мог ли он когда-нибудь по-настоящему измениться, или на самом деле жизнь его уже была подчинена каким-то загадочным для него законам и шла согласно независящим от него обстоятельствам.

Признаться, вопросы эти беспокоили Есенуария Георгиевича. Не в пример прошлому, сейчас он решил не отпускать разрешение таких вопросов, и во что бы то ни стало разгадать загадку бытия. И став отгадывать, вдруг довольно быстро пришел к выводу, который стал вдруг вычерчиваться настолько явно, что прокрутив в голове еще пару-тройку иных вариантов, Есенуарий убедил себя, что все понятно, ничего нового он уже не откроет, что все, что происходит с ним происходило по одной единственной причине, и что, собственно, даже переживать по этому не стоило ибо все равно он был не в силах что либо изменить.

Нет, конечно же, Есенуарию не хотелось, чтобы все было именно так, а не иначе. Он хотел бы, чтобы было иначе. Он даже пытался бы тогда что-то сделать, что-то изменить, может даже вообще одуматься и начать жить иначе, но... Но все было совершенно бесполезно и необъяснимо для него. И потому Есенуарий смирился. И как-то быстро действительно убедил себя в том, что все, что происходило с ним ранее, как и то, что будет происходить после, как и вообще все что еще не происходило и даже может не будет происходить но непременно произойдет – все это ясно, понятно, даже видимо допустимо и приемлемо, и что уж точно совсем не зависит от какого-то его желания или не делания, и заключается все – в проклятии его рода. В этом корни всех бед и

причина несчастий. И если бы даже он захотел что-то изменить – у него бы не вышло. И даже если бы решил во чтобы то ни стало это что-то изменить – все равно бы ничего не вышло. Просто потому, что жизнь его была заранее расписана на небесах. Он это понял. И... смирился. А смирившись – неожиданно начал жить. Вместо мечтаний о женщинах – женился. Вместо мечтаний о работе – устроился на работу. А все, что у него порой и когда-то возникало в виде фантазий – стал воплощать в жизнь.

И стал вдруг Есенуарий Георгиевич очень-очень занятым человеком. И образовалось у него вдруг очень-очень много дел. Но ведь это и хорошо, рассуждал он. Да видимо и правда было неплохо, вдруг подумали и мы. А значит до поры до времени можно оставить его заниматься сейчас самим собой. Да будет так.

Сергей Зелинский

Январь 2014

рассказ

Жизненный период

Он мог заключить, что ему было приятно.

Аркадий понимал, что в вопросе отношения с женщинами у него еще был достаточно юный опыт, чтобы так-то уж судить обо всем, но свое-то мнение он мог иметь. И вот согласно этому мнению - то, что происходило в последнее время в его отношениях с женщинами - казалось Аркадию весьма приятным делом.

Конечно, он понимал, что его могли упрекнуть в чрезмерной заносчивости, да еще в чем угодно. Но это был весьма

трезвомыслящий молодой человек, который, несмотря на юный возраст, знал себе цену; и согласно этой цене - он мог позволить себе не обращать внимания на разные там шутки.

Критику в свой адрес Аркадий называл шутками.

Студент второго курса факультета социологии, Аркадий Мещериков вполне адекватно относился к действительности, которая норовила не только его окружать, но и делала попытки подчинить себе.

Согласно этим попыткам он должен был придерживаться жизненного графика, навязываемого обществом. В график входило не только расписание жизни, но и стереотипное отношение к ситуациям, возникающим в этой жизни со стороны окружающих. Тех окружающих, которые стремились, чтобы Аркадий на те или иные жизненные обстоятельства реагировал точно также.

А он не хотел. И даже не столько не хотел, сколько попросту не собирался этого делать. Сохраняя в своем воображении ту модель собственного поведения, которому старался придерживаться, да и вообще - следовать, и ни в коем случае не изменять.

Знакомым девушкам он тоже старался не изменять. В виде эксперимента подобное, конечно, пока еще случалось, но Аркадий и тут нашел выход из положения: для своих случайных связей молодой человек подбирал случайных девушек. Рассудив, что, учитывая свой юный возраст (двадцать с небольшим), он может себе позволить сейчас многое. С обязательным условием через определенное время остановиться.

Сколько должно пройти времени, прежде чем он должен остановиться - Аркадий не знал. Но допускал, что случится нечто, согласно которому он сам все поймет. И остановится.

Когда Аркадий был маленьким - он на самом деле казался сам себе или еще меньше, или наоборот - много больше, чем реально ему было лет. Сейчас же - Аркадий весьма уверенно чувствовал свой возраст. Не путался в оценках себя, и старался не запутывать других. Тех, кто по каким-то причинам решил сделать о нем суждение, высказав какой комплимент. Заметим, к любым комплиментам молодой человек относился весьма скептически. Он их попросту не любил. Не любил, потому как знал за собой нехорошую привычку поддаваться влиянию от высказываний других. Причем был, конечно, вопрос, насколько он таким влияниям поддавался. Кто-то считал, что у Аркадия это, своего рода, игра. И в зависимости от собственного настроения - он мог придерживаться той или иной позиции как в своей оценке окружающих, так и в положении, которое он должен принять согласно влиянию информации, исходившей от окружающих в отношении него.

Это могло быть зависимое положение. Положение победителя. Или же Аркадий мог попросту проигнорировать мнение окружающих относительно его персоны. То есть - попросту не заметить.

Достаточно сложно было сказать, что Аркадий испытывал на самом деле. Ходили слухи... Впрочем, слухи они на то и слухи, чтобы иметь необъяснимую природу возникновения. Тогда как можно было заметить, что в большинстве жизненных ситуаций Аркадий был себе на уме. То есть он мог слушать вас, а

мог и только делать вид, что слушает, а при этом находиться где-то в глубине себя. И при этом, когда вы уже начинали думать, что он и на самом деле где-то далеко, Аркадий мог сделать какое-то замечание относительно темы беседы, которую вы вели с ним, и ответ этот мог вам настолько понравиться, что, во-первых, у вас разом отпадали все сомнения относительно всего, а во-вторых - становилось немного стыдно за то, что вы так думали об Аркадии.

Но когда вы, словно бы желая загладить собственную вину (природа которой, заметим, весьма условна) стремились оказать Аркадию свою поддержку в темах, которые он раньше, как помнили вы, поднимал в разговоре, Аркадий словно бы не замечал вас. Или делал вид, что не замечает, думали вы, и так как после этого он обычно уходил - смотрели ему вслед, словно бы рассуждая про себя о природе такого феномена, как этот молодой человек. Который вдруг переставал вам казаться таким уж молодым. Но, учитывая то, что вы знали его возраст - через время вы уже окончательно терялись, и решали, что на сегодня хватит всяких размышлений. По крайней мере, размышлений об Аркадии.

Что в это время делал Аркадий - большой вопрос.

Можно было предположить, что занимался он делами, которыми, как знали знакомые его, мог придумывать в невероятных количествах. А может и вообще, думал кто-то, Аркадий думает о них. И таким людям обычно не хотелось, чтобы о них думал такой человек как Аркадий. Вообще, всегда как минимум подозрительно, когда о вас кто-то начинает часто думать.

Впрочем, здесь при случае можно усмотреть или великое зло, или наоборот - исключительное благо. Аркадий, например,

предпочитал думать исключительно о хорошем (особенно зная, как сильно поддается влиянию плохого). Кто-то другой, впрочем, мог думать иначе.

Ну и если уж совсем серьезно задуматься над размышлениями Аркадия, то видимо вполне можно было предположить, что природа их необъяснима. И, по сути, весьма туманна.

По крайней мере Аркадий с недавних пор предпочитал стать весьма осторожным в каких-то вопросах, касаемых собственного взгляда-восприятия действительности, и самое главное - в отношении людей, населявших эту действительность.

И тут можно было заметить, что ситуация иной раз и вообще выходила из под контроля.

Что говорил сам о себе Аркадий - так тут вообще больше походило на загадку, потому как говорил он всегда разные вещи. Но удивительным образом держал в голове все свои ответы. Поэтому его было достаточно сложно (а то и невозможно) поймать на какой-то простой ошибке. Аркадий вообще был достаточно смысленый. И хотя казалось немного странным, почему при такой доступности к знаниям он не получит диплом какого-нибудь вуза, а то и пойдет учиться дальше - в аспирантуру, тем не менее так выходило, что образование Аркадий большей частью признавал самостоятельное. Проходя, впрочем, при таком обучении достаточно внушительные объемы знаний, получая те, и видимо внутренне наслаждаясь наличием их в себе.

Хотя, забегаая вперед, скажем, что к тридцати годам Аркадий Мещериков уже стал профессором ряда вузов. В том

числе его пригласили читать лекции в США, и вообще, можно было сказать, что к тридцати годам все у него стало на свои места.

Но пока Аркадию было чуть больше двадцати. И пока он только выстраивал свою жизнь. Причем, нисколько не находил, что в этой жизни делает что-то не так.

--Быть может ему так было удобно?--задавались вопросами знакомые Аркадия.

--Скорей всего,--отвечали они сами себе.

С Аркадием же никто подобные темы не поднимал. А он сам никогда особо инициатором каких-то тем не был. Рассудив, что ему достаточно спокойно жить так, как он жил. И хотя по мнению многих, тут вопрос мог быть более чем спорным, тем не менее, если на тот жизненный период ему было необходимо чтобы это было так, то почему бы, как говорится, так этому и не быть. Ну а будущее покажет.

Будущее, тем не менее, не стремилось ничего особенно показывать.

В будущее вообще Аркадий смотрел сквозь призму прошлого. А такой взгляд если и мог быть оправданным, то что уж точно - не сейчас.

А что происходило сейчас? Сейчас Аркадий жил своей жизнью. Выстраивая в этой жизни те многочисленные схемы, которыми он, по сути, наслаждался.

Но при этом старался как-то особенно не замечать наслаивающейся на него реальности. Он вообще в иных случаях предпочитал эту реальность не замечать. Допуская, что в конечном итоге разберется со всем сам. Когда подойдет время. А пока...

А пока он жил, быть может даже -- наслаждался жизнью; и что уж точно - знал, что это всего лишь жизненный период, каких будет еще много в его жизни.

Поэтому он особенно и не спешил. Веря, что будущее действительно покажет.

Сергей Зелинский

6 апреля 2008 год.

рассказ

Разговор с собой

Конечно, ему хотелось теплоты и ласки.

Но ведь с другой стороны, чего-то подобного, как знал Михаил, хотелось большинству мужчин и не меньшему числу женщин. А значит, было бы глупо, как он посчитал, показывать всем и вся свои истинные чувства. Разве что намеками...

--Намеками тоже нельзя,--вмешался он сам в свой ход размышлений, достаточно быстро убедив себя, что и действительно, даже намекать не стоило, потому как если что-то происходит на границе с любовью, со временем все становится более чем замечено, и потому так уж обстоит дело, что попросту можно попасть в щекотливую ситуацию.

--А то и в какую историю,--выдохнул Михаил, и посмотрел с таким видом вокруг, словно он только что открыл важный закон жизни, и ему было интересно, заметил ли это кто-нибудь.

Не заметил. Как не замечал и вообще никто Михаила Головина, который уже как неделю не выходил на работу, пил, и

под действием алкоголя у него рождались такие вот пертурбации в сознании...

--Послушай,--сказал он себе, вставая.- А не желаешь ли взяться за ум?..

Спросив у себя подобное, Михаил почти тут же усомнился: действительно ли ему необходимо было это спрашивать? Другими словами, не слишком ли он начал в последнее время запутывать себя? Тем более что внутренне на самом деле вроде как стремился совсем к другому. И если что и по настоящему хотел, то выходило что совсем не того, что намечалось как итог подобных размышлений...

Стоило ему произнести что-то подобное, как Михаилу стало стыдно. Стыдно за свою жизнь, которую он проживал как-то уж очень по обыденному. Стыдно за те утехи, которые он осуществлял с разными женщинами, знакомясь с ними через сайты интернет-знакомств, и фактически не давая ни одной из них того, о чем они надеялись, приходя к Михаилу на встречу.

--Ну, ты здесь не прав,--сказал Михаил сам себе.- Учитывая, что встречи женщинам ты назначал в вечернее время у себя дома, я думаю, они знали куда шли.

--Много ты знаешь,--буркнул, было, Головин, да подумал, что как минимум в чем-то это правда. Да и знакомства были как бы изначально не просто так, а с намерением вступить в связь... И Михаил успокоился.

--Если не веришь мне, позвони по любому оставшемуся у тебя телефону и спроси...

Михаил не дослушал себя, подумав, что все это действительно так. И какие-либо муки совести как раз по этому

вопросу попросту неуместны... Да и как минимум - несвоевременны,--улыбнулся он.

У него восстановилось настроение. Он понял, что, по сути, все не так-то плохо. А если он еще какое-то время подумает над этим, сопоставив то и другое, так получится и вовсе что это есть самое то. То, что нужно.

Пребывая в некоем воодушевленном состоянии духа, Михаил Васильевич Головин решил прогуляться по улице. Был полдень, весна, и его просто выталкивало на воздух.

Однако стоило Михаилу выйти на воздух - пошел дождь. Пока считая это совпадением, Михаил вернулся, взял зонт, и вышел вновь. Как бы то ни было, так просто отступить он не собирался. Может еще и потому что знал, что стоит ему дать себе поблажку в малом, как тут же захлестнет его сознание негатив. И психика будет после этого еще долго адаптироваться к реальности, пока не переборет всю гадость, свалившуюся в душу, и все вновь не станет прекрасным и удивительным.

--Что до удивительного,--подумал Михаил,--так жизнь часто ему преподносила секреты, разгадка которых приносила то благо то боль. Чаще всего боль до тех пор, пока он не научился как бы не замечать негатив души; словно бы отбрасывая его прямым ходом в подсознание, и улавливая то нечто прекрасное, что скрывалось почти абсолютно за всем, что происходило или могло еще произойти.

Но так было не всегда. Первоначально Михаилу потребовалось затратить достаточно времени, чтобы прийти к тому, что позже он разумел за наиболее оптимальное, что могло быть. Причем о том, что это действительно так, он сначала тоже

не догадывался. Но потом, сопоставив одно с другим, понял, что вероятно интуитивно нащупал как раз то, что ему по большому счету и необходимо.

--И если рассудить,--сказал он тогда себе,--это может быть вообще самое прекрасное, что только могло...

--Не обольщайся,--перебил его тот, который уже, признаться, порядком надоел Михаилу. Он даже может быть хотел бы от него избавиться. Вернее, если раньше гнал подобные мысли прочь, сейчас решил: а почему бы и нет? А решив, стал, было, искать варианты осуществления подобного, как внезапно усомнился как в характере предполагаемых действий, так и в необходимости их.

А еще ему стало очень-очень стыдно. Стыдно... Причем причина стыда была как будто необъяснима. Но ощущение было такое, словно он обидел ребенка.

Михаил прошел к бару, налил полный бокал коньяка, залпом осушил его, закурил и вышел на балкон.

--По всему,--подумал он,--просто замотался. Надо дать себе отдыха. Слишком много за последнее время случилось того, отчего вполне разумно, что в душе такая гадость...

Он задумался. Уже не раз Михаил замечал, что он как бы думает не совсем о том, о чем было как бы необходимо в конкретном случае. То есть можно было, конечно, думать и об этом, но все это как бы казалось не совсем важным, что ли... Хотя и попытки думать о другом - заканчивались безрезультатно.

--А что, у тебя есть варианты?- услышал Михаил, и в тайне даже обрадовался. Обрадовался тому, что на него не обиделись. Обрадовался, что все, в общем-то, идет так, как он это

и предполагал. Обрадовался... Ну, в общем, обрадовался.

Обрадовался, быть может даже, тому, чему сам до конца не знал.

--Я всегда буду с тобой,--сказали ему.- Даже если ты того не очень хочешь...

--Хочу,--быстро ответил Михаил, перебивая.- Очень даже хочу.

--Ну... Я может и не считаю, что это на самом деле так... Но, признаюсь, приятно.

--Еще бы,--подумал Михаил, и тут же понял, что может фактически ничего не произносить вслух, потому как...

--Да... Я все слышу и понимаю и так...

--Ну вот и я о том же,--подумал Головин.

В последующие дни он привел в полный порядок свои мысли. Теперь он в полной мере ощутил, что не один. Что рядом с ним все время присутствует некто, у кого...

--У кого даже можно попросить совета,--удивился Михаил своей мысли.--Скажи,--спросил он.- Ведь я могу...

--Можешь,--ответили ему.

--А если... Если это покажется... ну, как бы, не совсем корректным, ты...

--Пойму,--вновь опередили его.- Пойму и сделаю вид, что не обращаю внимания.

--Я тоже...

--Что?

--Ну, я говорю, что тоже не обращаю внимание, если...

--Понял,--Михаил почувствовал усмешку, но, в общем-то, он мог признать, что благодарен за то, что все разрешилось именно так.

И он стал жить своей обычной жизнью. Жизнью, которую еще должен был прожить. Прожить, несмотря на те трудности, которые будут возникать на его пути.

И он был счастлив, в принципе... Разве что иногда ему казалось, что нечто подобное происходит не с ним. Но это было уже и не важно. Какой-никакой порядок в душе был восстановлен. Согласие (с собой) получено. А большего пока и не требовалось.

Сергей Зелинский

11.02.08 г.

рассказ

Иван Непомнящий

Иван Силантиевич Непомнящий и на самом деле мало что помнил. Нет, помнил он, конечно, что-то, что касалось непосредственно его. Но таких дел, если по совести, было мало. А сам Иван Непомнящий как-то предпочитал особо не вдаваться в детали собственного бытия. Допуская, видимо, что бытие это в иных случаях весьма прозаично показывало всю его внутреннюю сущность. Которую, надо признаться, Иван Силантиевич по возможности скрывал. Благо, что возможность такая тоже предоставлялась.

Как-то раз вышло так, что Иван Силантиевич, работавший до этого механизатором в одном из акционерных обществ Ленинградской области, вдруг решил баллотироваться в главы местной - районной - администрации. Причем он уже не помнил, самому ли ему пришла в голову подобная мысль, или надоумил кто, но уже как бы то ни было, но Иван Силантиевич не только твердо решил стать главой района, но и начал потихоньку

собирать справки на предмет того, что ему необходимо, чтобы район возглавить.

Надо сказать, что с детства Иван Силантьевич был человек смысленый. С возрастом (сейчас ему было около пятидесяти) стал обстоятельным. Кроме того, числился в передовиках производства, имел крепкое хозяйство, жену, двоих ребятшек, да и вообще, по всему Иван Силантьевич, как предполагал, имел все шансы добиться намеченного.

О своем желании Иван Силантьевич никому пока не говорил.

--К чему будоражить людей,--рассудил он.--Слухи всякие там поползут. А так, как будто, пройдет какое-то время, и все станет на свои места. Он займет кресло главы района, ну и понятно,-- пообещал себе Непомнящий,-- тот час же выдвинет на первые позиции близких, в ком был уверен,-- то есть уверен, что они хозяйство района поднимут, а не загубят.

Рассуждая так, Иван Силантьевич вдруг подумал, что если разобраться, ему на самом деле некому доверять. И не то что все, кто его окружал, были плохими, нет. Каждый в своей области это были, может быть, и хорошие специалисты. Но вот стать его заместителями, когда он заступит на пост главы района, эти люди не смогут. А команда ему ох как нужна. Непомнящий активно читал прессу, следил, можно сказать, за перипетиями политической жизни страны, а потому знал - что без мощной команды все его начинания (а Непомнящий собирался начать с реформ) могли потонуть в бюрократическом болоте.

Иван Силантьевич уже готов был отказаться от своего плана баллотироваться ("что толку баллотироваться,--рассудил

он,--если не на кого опереться"), как вдруг ему пришла идея поднять планку выше, и стать главой не района, а всей области.

--Эк-ка ты куда хватил,--услышал Иван Силантиевич собственный голос, но решил пока не обращать на него внимания, потому как знал - что любое начинание может потопить излишний критицизм.

--Нет, однозначно, что ты меня не слушаешь,--снова услышал Иван Силантиевич, но подняв голову (до этого он слегка придремал за столом), никого не увидел.

--Изыди, сатана,--недовольно пробурчал Непомнящий, и даже потянулся за ружьем (Иван Силантиевич был охотник, имел охотничий билет), намереваясь может и пальнуть для острстки (Непомнящий жил в своей избе; в этом час дома был один - жена на работе, ребяташки в школе; у Ивана Силантиевича сломался комбайн, запчастей не привезли, и главный инженер отпустил его домой).

Непомнящий встал, прошелся по избе, явно намереваясь случайно наткнуться на злоумышленника, обезвредить его, и привести к председателю АО, а там уже по ситуации.

Однако пройдясь взад-вперед - никого не обнаружил.

--Не отчаивайся,--снова услышал Непомнящий.--Будет и на твоей улице праздник.

Иван Силантиевич обхватив голову руками, выскочил из избы.

--Черт те что,--буркнул он, оказавшись на улице и жадно вдыхая теплый мартовский воздух.

Непомнящий понял, что на самом деле должен идти на работу, что его бригада как раз занималась сейчас подготовкой техники к посевной, а он, получается...

--Меня отпустил инженер,--вспомнил Непомнящий.--
Значит сегодня я могу быть дома.

Оставшись дома, Иван задумал начать генеральную уборку. Чтобы, значит, отвлечься.

Потом подумал, что надо бы убраться по хозяйству во дворе. Потом...

Потом Иван Силантиевич решил подождать со школы детей и поручить уборку им. А жене, которая работала учителем младших классов и должна была скоро придти с работы, поручить убраться по хозяйству во дворе. Сам же Иван Силантиевич решил, что как будущему главе района или области (он пока не решил, кем станет) - негоже пачкать руки, и лучше заняться претворением в жизнь обозначенных планов по политическому устройству собственной судьбы.

--Однако с чего бы начать?--задумался Иван Силантиевич, понимая как никогда, что делать что-то было надо, да вот только не знал он точно - что.

Внезапно Непомнящий решил поехать в районный центр. Там, среди очага цивилизации (как называл районный центр Иван Силантиевич) думалось ему всегда лучше.

Пойдя несколько километров пешком по весенней распутице, Непомнящий наконец-то добрал до вокзала, взял билет, и устроился ждать автобуса, который ушел пять минут назад, а ходил с периодичностью раз в два часа. Иного пути добраться до центра не было.

Через два часа автобус не пришел. Непомнящий подумал, что первым делом на посту главы района (или области,--он пока не решил) будет упразднение подобной периодичности движения автобусов.

--На линии должно работать десяток автобусов,--подумал Непомнящий.-- И ходить как в городе, с периодичностью полчаса.

Подумав еще немного, Иван Силантиевич решил, что полчаса действительно можно подождать. Но два часа было уж слишком.

Автобус пришел через 4 часа. Непомнящий уснул, и чуть не пропустил его, хорошо старушка из его села, проходя мимо, толкнула Ивана Силантиевича своими сумками, отчего он проснулся и поспешил на рейс.

Когда Иван Непомнящий приехал в город, был уже вечер, все службы закончили работу, сами служащие спешили по домам, и вообще, на этот раз город Ивану Силантиевичу не понравился.

--Какой-то суматошный ряд,--вспомнил Непомнящий где-то услышанную фразу. Сейчас он в полной мере осознал значение ее.

--Вертеп разврата,--просилась еще одна фраза на язык, да Непомнящий подумал, что к данной ситуации - это фраза не относится.

Однако что-то надо было делать. Возвращаться обратно не хотелось. Но и в городе у него дел не было. К тому же Непомнящий некстати вспомнил, что последний автобус в его село отходит в шесть вечера. А значит, если он сейчас же не поспешит на вокзал (раздумывая о жизни, Непомнящий гулял где-

то неподалеку), то может вообще не попасть домой. А это значит, -пронеслось перед Непомнящим далее,--что утром он не успеет на работу, что закатит скандал жена, что косо будут смотреть на него дети, и что вообще, один подобный поступок может перечеркнуть всю его жизнь. Все то, что он с таким трудом в своей жизни выстраивал.

Люся, жена Непомнящего, была второй его женой. Первая, Варвара, сбежала с городским парнем, приехавшим в колхоз на практику. Были они тогда молодыми, детей еще не было, и Иван Силантиевич не стал догонять сбежавшую супругу, а какое-то время жил один, пока не встретил Люсю, которая была младше его, и после окончания пединститута вернулась в родной колхоз. Правда колхоз к тому времени распался, преобразовавшись вскоре в АО, но работа Люси нашлась быстро, потому что в селе учителей всегда не хватает, молодые стремятся в город, к лучшей жизни, а Люся была не такая, она любила сельскую жизнь, была предана земле, хозяйству, и Родине. Понимая, что как раз ее жизнь в селе будет той частицей помощи Родине, которую она может дать, выполнив свой долг.

Люся в подобной концепции жизнепонимания и детей своих воспитывала. Правда с мужем были небольшие разногласия, причем разногласия почему-то всегда оказывались классового характера: Иван Силантиевич (Люся называла мужа по имени отчеству) по натуре был либеральный демократ, хотя и не всегда мог в этом признаться, опасаясь, что селяне, прознав про это, попросту побьют его батогами.

Но вот жене Иван Силантиевич предпочитал говорить правду. И с тех пор чувствовал необъяснимую вину при виде

супруги. Словно опасаясь, что растрезвонит она соседкам-подружкам, а те скажут своим мужьям, и Ивана Силантиевича поднимут на смех, а потом может и действительно побьют. У всех перед глазами был недавний пример того, какие беды принесли селу демократы с их Перестройкой и прочими реформами, поэтому Иван Силантиевич опасался, что за все прегрешения власти придется нести ответ ему, а потому он и молчал, и быть может как раз потому - решил возглавить родной район, чтобы поменять мировоззрение односельчан, чтобы сделать жизнь их другой, нежели чем она была сейчас, чтобы принести людям радость.

О политике Иван Силантиевич действительно мог бы много говорить. Но как-то выходило так, что он немного опасался сказать как бы что-то не то. А потому начиная любые беседы (зачастую с самим собой), достаточно быстро прекращал те. Понимая что-то такое, что пока не смог бы объяснить словами, но что непременно улавливалось, и потому как-то по особенному приятно питало его душу, согревая сердце, и наполняя чем-то новым разум.

Вообще же Иван Силантиевич был хорошим человеком. И если бы не его внезапная смерть (случился сердечный приступ, когда, опоздав на автобус, шел домой пешком, переживая, что не оставил записку куда уехал, и тем самым ввергнув близких в тягостные раздумья), он вполне может быть и стал бы главой района, а то и всей области. Да не успел.

Сергей Зелинский

29.03.08

рассказ

Путаница

Он знал что это, в общем-то, возможно.

И при этом поначалу делал все, чтобы словно бы намеренно отдалить миг начала исполнения собственного желания. Можно даже сказать - миг удачи. Ибо если исходить из того, что удача в его нынешнем представлении как раз и была исполнением желания, то тут вроде как далеко ходить и не следовало. А все простиралось в плоскости того его отношения к жизни, которое Михаил Сикорский самым ненавязчивым образом угадывал.

Получалось так, что Михаил вдруг искренне поверил в исполнение собственного желания. И даже сделал несколько шагов на пути к нему. Тогда как после,-- он совсем неожиданно для себя повернул назад. Пошел, так сказать, на попятную,-- как пошутил он. И ведь если только предположить, что был он и действительно очень даже рядом...

Впрочем, изучающий когда-то неврологию (Сикорский был отчислен с 4-го курса медицинского вуза за хроническое пьянство и неуспеваемость), Михаил мог бы ответить, что способен объяснить причины подобного поворота событий. Да так вышло, что когда дело доходило до разгадывания себя - с ним случался некий ступор. Он останавливался, можно сказать, на полпути. Да и вообще, другими словами, замолкал он.

Но промолчав какое-то время, Михаил возвращался в свою жизнь. И при этом вел себя так, как будто с ним ничего такого и не случилось. Что, опять же, могло бы казаться сродни парадоксу, да как говорится, не тут-то было. И еще через какое-то

время Михаил Сикорский забывал почти обо всем, что с ним случалось раньше.

И вот тут, как вроде бы, следовало "начать жить" (как по Карнеги, улыбнулся Сикорский), да все равно продолжало находиться нечто, что ему мешало приблизиться к подобному пониманию действительности.

Сикорский понял, что все его вопросы фактически находятся в спектре понимания действительности. Можно даже сказать, понимания того ("даже всего",-- уточнил он), что окружало его.

И вот в разрешении подобных вопросов, как видимо, и должно скрываться нечто, что уже так или иначе должно быть предрасположено к разрешению такого рода вопросов.

Михаил подумал, что он вновь и вновь запутывает себя. Вместо того, чтобы ему нащупать ту параллель, по которой мог бы выехать к разгадке всего и вся, он словно бы вновь бродил вокруг да около того, что ему намечалось разрешить. И даже если и приближался к какой разгадке, то это еще как будто бы совсем не означало, что что-то разрешить он сможет. Да и получится ли?- сомневался Михаил, и не знал, что ответить самому себе. А это, как он знал, было весьма печально ("да и чревато последствиями",- добавил бы он). Потому как наверняка ведь разрешение вопроса было рядышком. Да он не знал.

Не понимал? Может, и не понимал. Хотя точно, что понимал. И также точно, что знал.

Но вот словно бы сознательно продолжал запутывать себя. Не понимая в чем, собственно, заключаются как эти вопросы, так и ответы на них. Разгадки, другими словами,-- сказал

Михаил,-- и пустился, было, на поиски того, что ему было необходимо, да не смог толком рассудить, что да как. Что к чему. Что почему. И из-за этого...

Нет, самое любопытное казалось Сикорскому то, что он нисколько, на самом деле, не переживал по данному поводу.

Но еще более интересным казалось то, что Михаил Сикорский отчего-то верил во что-то свое. В то, что скрывалось где-то внутри него, и что наверняка способно было принести ему исключительную удачу. Пусть и не верил он пока, какова будет специфика того, что должно было принести ему это некое жизненное предназначение. По сути,-- рассудил Сикорский,-- ведь то, что было рядом, то, что виделось ему в последнее время, находилось, можно сказать, поблизости - все это как раз (Михаил еще раз было задумался, да тут же закивал, соглашаясь с собой, и словно опасаясь, что уйдет мысль) простиралось в плоскости того, что было ему необходимо.

Удивительно, но долгое время у Сикорского не возникало предположения, что он себя запутывал. И даже когда подобная мысль возникла, Михаил Юрьевич искренне верил, что такая мысль устранима. То есть он как бы стремился, в первую очередь, изменить направленность самой мысли. Потому как рассудил, что думать о чем-то плохом - уже в какой-то мере программировать себя на негатив в душе. И еще неизвестно,-- сказал себе Сикорский,-- чем этот негатив в итоге может аукнуться. Тогда как если просто не думать о плохом, то, вероятно, от этого станет ему как минимум ("как минимум",-- повторил Сикорский, акцентируя собственное внимание) легче жить.

И почти тут же Михаилу стало значительно легче дышать. Он как бы оказался преисполнен решимости идти, в собственных мыслях, до конца. И что важно,-- при этом нисколько не опасаясь, что подобные мысли приведут его к каким-то пагубным последствиям. Последние словно бы и вовсе отметались.

И ему действительно стало легче жить. Жить, и понимать жизнь. Да он ее, в общем-то, и понял. Пусть и не до конца, и лишь, быть может, такое понимание было недолговечным, и касалось лишь непродолжительного жизненного периода (как подумал Сикорский),-- он был к этому ко всему, в общем-то, готов. А потому нисколько не переживая о мимолетном, стал думать о вечном. Так ему было легче. Так хоть как-то разрешалась путаница в его голове. А это для него сейчас было самое главное.

Сергей Зелинский

7 мая 2008 г.

рассказ

Вера в себя

1

Пустырников родился и вырос на постсоветском пространстве. Можно даже сказать, что он предвзято относился ко всему, что связывало его с Родиной.

Проживал он в Москве. Словно бы намеренно никуда не выезжая из столицы. Просто потому что ему там нравилось.

Но вот если начинался какой разговор, где затрагивалась тема Родины, Великтон Романович Пустырников уверенно стоял на своем. Отстаивая свою точку зрения, и словно не замечая

другую. А если находился кто-то упрямый, пытавшийся переубедить Пустырникова, то Великтон Романович сердился. И даже иной раз впадал в бешенство. Тогда как в обычной жизни это был человек спокойный. И даже можно сказать - немного заискивающий перед другими. Причем, совсем как будто не нуждался Великтон Романович на самом деле в каких-то защитниках. Он вообще был немного престранной личностью. Но если разобраться, то ведь каждому свое. И Великтон Романович не раз просил (после начала спора) оставить его в покое. Видимо подразумевая под покоем - не спорить, и признать его правоту. Потому как если его действительно оставляли в покое, Великтон Романович начинал все поновой. И, по сути, остановить его можно было, только оглушив,--как пошутил как-то один знакомый Пустырникова. Великтону Романовичу донесли об этих словах. И с тем знакомым он больше не общался.

Вообще, в выборе друзей Великтон Романович проявлял крайнюю непоследовательность. Он, например, мог начинать считать лучшим другом человека, общаться с которым раньше перестал, и даже раструбил об этом кому ни попадя (из общих знакомых), чтобы, видимо, сжечь тогда за собой мосты. И когда подобное случалось, а прежний знакомый даже немного косил на него взгляд (косил взгляд или точил зуб,--это уже было в зависимости от предварительной активности Пустырникова в деле распространения слухов, порочащих прежнего знакомого), Великтон Романович вдруг внезапно шел на попятную. И будь у такого знакомого какой сбой в психике - этот сбой при виде подобного поворота в общении с ним Пустырникова (недавнего

врага, как этого человека уже заверили) только усилился бы, а то и вовсе - привел бы к каким более заметным последствиям.

Но все обходилось. Пустырников теперь источал исключительное благодушие. И радость в общении. Списывая мимоходом наговоры на зависть недобрых людей.

Вопрос - был ли сам Пустырников добрым? Кто-то считал, что был. Продолжал быть, несмотря на серость души и убогость мысли. Большинство же считало, что о Великтоне Романовиче вообще можно было бы не думать, если бы тот был простым человеком. А так как недавно Пустырникова назначили мэром небольшого провинциального городка (в совсем маленьком уезде, ну то есть небольшой области), то вроде как теперь, считали те кто знал Пустырникова, о нем при случае (если бы не нашлось других тем) можно было бы и поговорить. Хотя, по сути, говорить особо нечего. Разве что заинтересоваться, как вязались его прежние слова о синониме Москвы и Родины, и уверенном нежелании замечать жизнь дальше Садового кольца... Ну да метаморфозы, которые дает власть, выделяет с человеком и не такие колена... К тому же Пустырников так рьяно взялся за выполнение новых обязанностей, что вроде как и совестно стало через время кому-то в чем-то подозревать Великтона Романовича, да тем более чему-то удивляться. Хотя, как говорили тут же появившиеся оппоненты Пустырникова, удивляться в таких случаях всегда есть чему.

И при этом Великтон Романович все равно, несмотря на множество комплексов, затаившихся после его назначения на новую должность, решил, что он теперь уж точно должен непременно измениться. Точнее - начать меняться. Тогда как,

произойдут ли на самом деле такие изменения, об этом Пустырников не знал. Но верил в себя от души. И считал, что если он того действительно захочет - сможет добиться многого.

--А то и всего,--сказал сам себе Великтон Романович, и от осознания приобщения к чему-то великому и дорогому, у него выступили слезы умиления. Умиления за себя; за то, что он такой хороший.

Впрочем, как было на самом деле, Пустырников не знал. Но после получения столь ответственной должности, решил соответствовать представлениям о себе.

2

Великтона Романовича иной раз доставали вполне серьезные вопросы окружающей реальности. От незначительной части из них ему, конечно, удавалось избавляться. Но он знал, что на какую-то часть таких вопросов непременно должен был знать ответ. Вернее - найти ответы на те или иные, мучившие его, вопросы.

Причем, это только на первый взгляд вопросы могли иметь какую-то сложную подоплеку. На самом деле Великтон Романович верил, что если внимательно подойти к разрешению любого вопроса, то тот уже не покажется таким сложным. А то и начнет выделяться противоречивый характер подобного вопроса. И все потому, что у Пустырникова, как знал Пустырников, всегда мог иметься в запасе иной вариант (хотя бы один) разрешения вопроса,--в противоположность ответу, который, как он угадывал, был у задавшего вопрос.

Но Великтон Романович не шел на компромисс с собой. Он вообще (особенно это проявилось после его назначения на

должность) стал словно бы намеренно противиться навязыванию общепринятых стандартов и правил. Чем, по сути, обрел новых врагов. Хотя и кого-то из врагов старых - обратил в результате этого если не в друзей, то, как минимум, в тех, кто сочувствовал ему. Потому как они, как считал Пустырников, вероятно разобрались в том, что был за человек Великтон Романович, и после этого стали относиться к нему по-другому.

"По-другому" --- означало не так, как раньше. Но ведь Пустырников понял, что так, как было раньше,-- так ему было уже не интересно. Не интересно еще и потому, что привык идти он к поставленным целям. А если принять во внимание, что многие от него ждали игры по правилам - такие правила становились Великтону Романовичу ненавистны. Он даже подумывал сложить с себя полномочия мэра, да решил, что надо наоборот -- больше верить в себя.

И вот как раз эта вера его в какой-то мере и спасала и выручала, помогая другими глазами смотреть на окружающий мир, да и вообще, в какой-то мере подчинять этот мир себе. Своему порядку, своему взгляду на жизнь. И это нисколько не противоречило вере в себя Великтона Романовича Пустырникова. Ведь с недавних пор он именно такую веру ставил во главу угла. А значит... А значит все, что у него теперь получалось - получалось согласно этой вере. Или - согласно новой установке его жизни. И он был этому, в общем-то, этому рад.

Сергей Зелинский

03 мая 2008 год.

рассказ

Цепочка размышлений

1

Ему на самом деле давно уже не было так плохо. Раньше, когда что-то подобное подступало, Сумарев находил способы отвлечься чем-то другим (алкоголем, например), и через время не то что проблема исчезала, но скорее он переключал внимание, чтобы о ней не помнить. А вот тут как бы не выходило. Он пытался сейчас предпринять разные шаги, да все двигался в одной -- заданной проблемой - плоскости. И даже понимал, что так, наверное, и надо. Ему надо. Ему,-- в смысле в наказание. В наказание за его жизнь. За то, что он так выстраивал свою жизнь. Выстраивал таким образом, что словно бы и не стремился уйти от вопроса, который мучил его.

Сейчас Сумарев действительно понял, что он все время избегал этого вопроса. Он даже к постановке его приближался весьма осторожно, а попросту медленно. Так медленно, что никогда до конца вопрос и не был сформирован даже в мыслях Сумарева.

Вадим Алексеевич Сумарев задумался. Тут же, как будто начавшую складываться цепочку размышлений, перебила мысль, что он думает о самом размышлении, о том, как он правильно делает что думает, и при этом, как понял Сумарев, упускает первоначальную направленность размышлений.

И подумав уже об этом, Сумарев решил, что действительно, получается нехорошо. Получается, что он, словно бы намеренно, обостряет проблему, а после начинает страдать уже из-за этого. Тогда как в случае если бы этого не произошло...

Вадим Алексеевич не мог сказать, что было бы в этом случае. Он мог только предполагать; но при этом Сумарев знал, что в том, что касается его психики, любые предположения не могут быть до конца оправданными, да и вообще -- правильными.

--В том-то и дело,--подумал Сумарев.

Ему нравилось думать. Когда он не думал, то спешил загрузить в свой мозг какую-нибудь проблемную информацию, чтобы вновь, получается, начать думать. И при этом думал он иной раз так, что действительно задумывался над тем, что происходит.

А потом ему становилось грустно уже от этого.

.....

Вадим Алексеевич в последнее время не находил себе места. Так получалось, что он понимал, что должен был принять какое-то решение, но вопрос был сформулирован таким замысловатым образом, что словно бы и выходило, что правильного ответа не было. Причем если бы вопрос был сформулирован самим Сумаревым, то он мог бы его просто переформулировать. Но когда это задано жизнью... тут Сумарев оказывался бессилен, и должен был подстраиваться в существующую парадигму вопроса-ответа. А значит, как не пытался, оказывался не способен придумать нечто, после чего в его сознании выстроилась бы модель правильного действия. Да еще так, чтобы не смеялось предательски подсознание, заметив натянутость ответа, который не разрешал ситуацию, а может быть и вообще, только уводил в сторону.

В общем, у Сумарева были серьезные основания начать пересматривать жизнь. Точнее, это только сейчас он вдруг понял,

что должен это сделать. Даже непременно должен,--повторил он, и подумал что ведь и верно. Если он не начнет ничего делать, то, в конце концов, трудно предсказать, когда он окончательно загонит себя в ловушку. Но то, что загонит - это точно. Это было наверняка. Это было настолько верно, что ему стало забавно, отчего он не додумался до подобного раньше.

Вадим Алексеевич мог признать, что, несмотря на то, что он как будто и думает о многом, на самом деле не всегда ему удается делать совсем уж однозначные выводы в жизни. Да и сама жизнь, словно подозревая об этом, выносит на рассмотрение им все новые композиции. Которые бьют аккордами судьбы по нервам. И вся это музыка, замечал Сумарев, необычайно сильно сказывается вообще на его дальнейшем существовании. Причем не то, что он хотел это существование прекратить. Нет. Но он стремился (стремился бессознательно, как понимал Сумарев) привести это существование к пропасти, чтобы у края ее -- дать себе обязательство начать перестраивать жизнь. А уже перестройка жизни, как предполагал Сумарев, могла быть в том числе и через изменение судьбы. Хотя мог ли он вторгаться в судьбу, об этом Сумарев не знал. Пока не знал. Но давал себе обязательство, что постепенно разберется и с этим вопросом.

--Что-то слишком много вопросов,--в очередной раз пришла в голову Сумарева давно просившаяся фраза. Причем вопросов было действительно много. Но они фактически лежали в одной плоскости ответов. Поэтому Сумарев решил пока не отклоняться от заданного вектора размышлений. И тогда, посчитал он, ответы будут появляться в запланированной парадигме. То есть ответы именно на те вопросы, которые

являются актуальными для него, потому как выносятся самой жизнью.

2

Несмотря на целый ряд мучительных вопросов, которые как будто требовали чуть ли не сиюминутного разрешения, в сознании Сумарева проступало и еще нечто, чему он пока не мог дать точного определения, но что наверняка ("как минимум косвенно",-- подумал Сумарев) было взаимосвязано с тем, что с ним происходило.

Вадим Алексеевич служил клерком к небольшой компании, являющейся посредником в нефтегазовой отрасли. Головной офис находился в Уренгое (ну или где-то там,-- Сумарев не вдавался в подобные вопросы), а офис, где работал Сумарев - сначала в Мурманске, а позже Сумарев (на повышение, как то ли пошутил, то ли сказал серьезно бывший начальник Сумарева, напутствовавший его перед отъездом) перебрался в Москву.

Москва Сумарева завораживала своим размахом. И одновременно Москва вселяла в Сумарева какой-то почти внутриутробный страх. А потому до конца еще не привыкнув к столице, Сумарев при первой возможности (как только узнал об открытии нового филиала) перебрался в Санкт-Петербург.

Вот этот город уже был понятен Сумареву. По крайней мере Вадим Алексеевич не испытывал ни страха, ни недовольства (проявлявшегося при его нахождении в Москве), да и вообще, можно сказать, для него это было самое то.

В Петербурге Сумарев начал по привычке бродить по улицам (он вообще любил гулять), да вдруг в его сознании четко сформулировалась модель его будущего поведения. Причем

конечной фазой реализации этой модели должно было стать назначение Сумарева сначала главой санкт-петербургского филиала, а после - еще через ряд усилий, явно высвечивающихся в сознании Сумарева - и главой всей корпорации.

--Международной корпорации,--повторил Сумарев (повторил для себя, чтобы попробовать на вкус незнакомое для себя слово), и испугался.

Чего он на самом деле испугался, Сумарев до конца не понял. Можно предположить, что мотив был хоть и просматриваем, но точной фазы начала испуга Сумарев у себя определить не мог. Перед ним как вроде бы и высвечивались различные композиции, состоящие из вариаций страха, неуверенности, сомнений, даже тревог и каких-то забот, но ни точную причину возникновения их, ни, что самое главное, обоснованность существования, Сумарев различить не мог. И это тоже бы, в свою очередь, могло послужить причиной какого-либо разочарования (вылившегося в разочарование жизнью), но Вадим Алексеевич взял себя в руки. Ему не очень нравился весь этот поток сознания. Ему отчего-то хотелось другого.

Но он не мог пока точно сформулировать чего он хотел. Точно также как знал, что должен в настоящее время зарекомендовать себя на службе. Чтобы, значит, выбиться в лидеры.

От подобных мыслей у Сумарева шла кругом голова.

Еще через время у него испортился сон. Стали появляться даже галлюцинации наяву, но Сумарев в срочном порядке попил какие-то таблетки, и галлюцинации прекратились.

А еще через время у Сумарева все стало на свои места. То есть все прекратилось также внезапно, как и началось. И Вадим Алексеевич вновь был преисполнен реализации идеи захвата ключевых позиций в управлении сначала офисом, а позже и центром.

3

В реализацию плана Сумарева вмешался директор санкт-петербургского филиала Игнатъев. Михаил Романович был человеком прямым и решительным. К тому же был на десять лет старше 34-х летнего Сумарева. А потому как только Игнатъев понял что к чему, то, вызвав Сумарева к себе, объявил тому, что он может писать заявление о собственном уходе.

Сумарев, было, инстинктивно потянулся к ручке и бумаге (которые Игнатъев предварительно положил на край стола), да передумал. О чем тут же сказал Игнатъеву.

А еще Сумарев сказал, что в случае если Игнатъев сам не уйдет со своего поста и не предложит на свое место его, Сумарева, то Вадим Алексеевич Сумарев предоставит бумаги в головной офис, где ясно, четко, и с приведением многочисленных примеров изложит позицию, почему, по мнению Сумарева, Игнатъев не может дальше занимать должность директора санкт-петербургского филиала. Больше Сумарев пока не стал ничего говорить. Но если бы Игнатъев попросил уточнений, Сумарев рассказал бы Игнатъеву о любви того к элитным женщинам легкого поведения Санкт-Петербурга, об увлечении Игнатъева рядом убыточных проектов (на которые он потратил деньги компании), об открытии (на подставные лица) за время работы в компании нескольких собственных предприятия, об...

Сумарев понимал, что Игнатьев и сам знает, о чем еще он мог бы ему рассказать. А Игнатьев подумал, что если Сумарев все знает, то он может быть весьма опасен с такими знаниями. Но у Игнатьева не было уверенности, что Сумарев не подстраховался, обезопасив свою жизнь. Да и не хотелось Игнатьеву, чтобы все, о чем тут намекнул Сумарев, действительно оказалось предано гласности. Поэтому он предложил Сумареву устраиваться поудобнее, закрыл дверь кабинета на ключ (предварительно отпустив секретаршу домой), достал коньяк и закуску из потайного сейфа (Сумарев скосил глаза на сейф, но сделал вид что ничего не заметил; а Игнатьев, подумав было, что не стоит показывать Сумареву потайной сейф, махнул про себя рукой, мол, все равно все идет прахом), и они начали пить. Вернее - Игнатьев предложил Сумареву выпить за новое назначение Вадима Алексеевича Сумарева на должность директора Санкт-Петербургского филиала, а Сумарев поначалу было задумался, стоит ли ему пить в такой ситуации или нет, решил, что это допустимо (решил, потому что был скрытым алкоголиком), и через время они уже сидели, обнявшись с друг другом, и пели песни. На дверях офиса стоял охранник, получивший распоряжение не при каких условиях никого не пускать в двухэтажный особняк, в котором и размещался офис компании. И потому и Сумарев и Игнатьев могли себе позволить расслабиться, сняв подобным образом напряжение, которое один получил после разработки многоходовых комбинаций по своему выдвижению в руководителя компании, а другой - после того как у него все сошлось (перед самым приходом Сумарева) по открытию крупной компании в оффшорной зоне. Она, по задумке Игнатьева, и

должна была в итоге приносить ему основные доходы. А те фирмочки, о которых стало известно Сумареву, были открыты как раз для прикрытия. Так же как и проститутки (которых на самом деле любил Игнатъев). Можно даже сказать, что Игнатъев просчитал приход Сумарева. Разве чтобы ускорить его, вынужден был инициировать угрозу увольнения, допуская, что на это Сумарев отреагирует так, как он и отреагировал. На вопрос: зачем нужно было Игнатъеву увольняться, чтобы управлять тайной компанией, Михаил Романович мог бы предположить (он иногда рассуждал о себе в третьем лице) только одно: он слишком много лет проработал в компании, чтобы так просто уйти. Ведь за время его работы образовались устойчивые связи в общении между различными людьми в компании. С его уходом эти связи бы оборвались. Но на самом деле не это было главным. А все дело в том, что Игнатъев просто не справлялся с тем объемом работы, который начался в последнее время. Дело в том, что продвижение Игнатъева всегда зависело от Косенко, зам.министра в бытность Союза, протеже Игнатъева. Причем Игнатъев начал получать всяческую поддержку от Косенко после того, как женился на его дочери. И даже несмотря на то, что прожив несколько лет молодые разошлись, Косенко продолжал помогать уже бывшему зятю, к которому весьма проникся.

Несколько лет назад Косенко умер. А Сумарев устал. Он понимал, что больше не может приспособливаться к той роли, которую на себя взвалил. Это было как бы не его. Ну, или его, как он считал раньше, но сейчас понял, что ничего такого ему уже не надо. Да и деньги, которые он уже начал получать от своего

тайного предприятия, намного превышали те, которые ему платили как директору Санкт-Петербургского филиала.

Но что самое главное - это его нынешняя ответственность как руководителя центра. В то время как если он снимет с себя подобные полномочия в пользу Сумарева, то многое станет на свои места. В том числе и за все те недоработки, которые вскроются после (а они вскроются, понимал Игнатъев), будет нести ответственность уже новый глава филиала. Ну а если Сумарев вовремя заметит их и справит, --подумал Игнатъев,--то это тоже будет хорошо. И что уж точно - еще спокойнее.

4

Сумарев мог торжествовать победу. В его душе совершенно внезапно многое сошлось. Как будто совершенно случайно. Но Сумарев знал, что подобное мнение ошибочно. И если подходить к вопросу так, как он привык, то следовало предостеречь самого себя ("на будущее", --улыбнулся Сумарев) от мыслей в подобном ключе.

--Если разобраться,--подумал Сумарев,--то все и не так то уж плохо.

Вадим Алексеевич понял, что все это время смотрел на мир только под определенным ("даже может быть специфическим", --уточнил он) углом зрения, а значит и видел такой мир в несколько ошибочной плоскости восприятия. Тогда как на самом деле, нужно было смотреть иначе. Вернее, --поправил Сумарев себя,--смотреть может и также, да вот видеть другое.

Это другое, --как понял Сумарев,--раньше от него все время ускользало. Он даже может быть и улавливал его черты, но, по сути, они были столь размыты, что почти совсем не оставляли в

его сознании какой-либо след. Разве что создавалась иллюзия, что он смотрит на мир правильно. Но это было не так. Да и сама такая иллюзия,-- как знал Сумарев,--возникла не сразу, а только по прошествии какого-то времени, в течении которого Вадим Алексеевич что-то более четче выделил для себя, а о чем-то постарался забыть.

Иной раз забывать не удавалось.

Даже можно сказать, что на начальном этапе подобного восприятия действительности он все равно продолжал видеть ("а значит и анализировать",--уточнил Сумарев) мир совсем не так, как, например, видел сейчас. Причем совсем было бы ошибочным считать,--подумал Сумарев, уточняя что-то для себя,--что его прежний взгляд был ошибочным, и так не смотрят. Смотрят, еще как смотрят,--улыбнулся Вадим Алексеевич. Но вот так смотреть он больше не будет. А значит... А значит и не будет больше видеть все то, что выходило на передний план его сознания раньше,--подытожил Вадим Алексеевич Сумарев собственные размышления, и ему стало легко и свободно.

А еще Вадим Алексеевич в очередной раз убедился, что непременно должен и дальше продолжать изменять мир. Что он просто не имеет права оставаться на прежнем уровне восприятия. Что теперь вообще подобное будет невозможно. Невозможно еще и потому, что он сам этого не хочет. Что он хочет ("непременно хочет",--повторил Сумарев), чтобы теперь все стало хоть немного, но по-другому. И можно даже сказать, что все эти инсинуации, которые ранее выделял его характер (в транскрипции внутреннего мира по отношению к миру внешнему), должны были просто непременно изменить судьбу. Изменить тот уровень

восприятия действительности, который, как понял Сумарев, был ему очень необходим. Причем даже если предполагать, что сейчас он ошибается, а раньше все было правильно...

Но, подумав немного, Сумарев решил, что он не ошибается. А раз так, то рассуждать о том, что и как было бы если бы и проч. - сейчас как минимум неуместно, а то и крайне ошибочно.

И это, как понял Сумарев, предполагало новую жизнь. Жизнь, в которую Вадим Алексеевич вступал обеими ногами. И был, в общем-то, доволен.

Сергей Зелинский

31 мая 2008 год.

рассказ

Почти подарок судьбы

Рудольф Тагамлицкий немного переживал за свою излишне трудно выговариваемую фамилию, и не совсем распространенное имя.

И в то же время он радовался жизни как никогда. Еще не прошла неделя, как его приняли в партию. И Рудольф отчего-то верил, что теперь в его жизни все пойдет так, как надо. И жизнь эта предстанет перед ним тем образом, который доселе в основном только виделся ему.

Так обстояло дело, что Рудольф Тагамлицкий раньше вел антисоциальный образ жизни. А тут вдруг взялся за голову, и решил почти в корне изменить судьбу. Причем так получалось, что Рудольф Викторович действительно стал изменяться. А те, кто знал его раньше, теперь не узнавали. Считая видимо, что это не

Рудольф вовсе, а, например, его брат-двойник. (Миф о существовании брата-близнеца подкинул сам Рудольф, видя призрачное желание некоторых своих знакомых разобраться, что же в итоге с ним произошло.)

Когда Тагамлицкий был еще совсем маленький, то, как он помнил, все время пытался разобраться в том, что делать ему стоило, а что нет.

Видимо не разобрался. Потому что почти неожиданно (для других, но не для себя), Тагамлицкий вдруг оказывается в детской колонии.

Выйдя оттуда за примерное поведение досрочно, Рудольф решает действительно изменить судьбу, взявшись за ум. Однако, то ли ума пока было недостаточно, то ли еще по каким причинам, но всего через несколько лет по выходу с "малолетки", Рудольф получает новый срок, и уже оказывается на взрослой зоне.

Сейчас ему было под тридцать. Позади него две судимости, и диплом вуза (вуз Рудольф закончил в колонии).

После выхода из колонии, перед Рудольфом вновь стала дилемма, как строить отношения с жизнью. И вот тут, как он считает, ему удалось сделать исключительно правильный выбор. И что интересно - жизнь улыбнулась ему. А он достаточно благодатно отнесся к подобному подарку судьбы. Ну, или почти подарку судьбы. Потому что подозревал Тагамлицкий, что недоделал он еще ряд дел, которые должны были, так или иначе, способствовать его пониманию этой жизни. Причем сама жизнь как будто не стремилась к тому, чтобы Рудольф ее как-то сразу понял. И вот это, собственно, слегка и настораживало Тагамлицкого. Потому как стремился он все-таки закрепиться в

этой жизни. Причем закрепиться не абы как, а самым, что ни на есть, должным образом. А значит, как он понимал, должен пока закусив удила - двигаться в только ему известном направлении.

Почему известном только ему? Потому как с самого момента освобождения из колонии Рудольф подсознательно стремился к одиночеству. Не то, чтобы он желал быть один. Но вот после недолгих раздумий пришел к заключению, что как раз в одиночестве ему намного легче (свободней) мыслится. Да и вообще живется, особенно если учитывать, что если наши мысли суть наших последующих желаний, то становится как-то легче дышать.

И Тагамлицкий понял, что ему просто будет проще, даже находясь среди людей - большей частью ориентироваться на себя. Потому как, если другие люди способны делать в отношении него ошибочные выводы, то в отношении себя такие выводы Рудольф делать не будет. А если случайно сделает - ему будет не так обидно.

Решив действовать (строить жизнь) таким образом, Тагамлицкий понял, что должен не отклоняться от заданного курса собственного поведения. Прежде всего уже потому, что само это поведения способно было принести ему удачу. В конце концов, даже исключительную удачу,-- решил Рудольф, осознав, что сейчас он действительно находится на пути ко многим жизненным открытиям. Точнее - к продолжению подобных открытий, ибо начал открывать он их, еще находясь в заключении. И как раз именно тот поворот, который он совершил - поистине можно считать даже настоящим переворотом. А если так - то

значит,-- решил Рудольф,-- не должно было перед ним впредь возникать каких-то сложностей, или вообще проблем.

Поразмыслив еще какое-то время над происходящим, Рудольф подумал о том, что судьба всегда благосклонно относилась к нему. И вся проблема заключалась в том, что в иные разы своих жизненных периодов он начинал прислушиваться к мнению окружающих. Что есть ошибка, и может быть самая главная ошибка,--знал Тагамлицкий. К тому же, как вспомнил сейчас Рудольф, раньше он уже приходил к подобным выводам. А значит получалось так, что, во-первых, это уже идет повторение пройденного. А во-вторых, если через какое-то время вновь сошлись выводы (новые выводы со старыми), то это почти непременно означает, что он исключительно на верном пути. И все, что ему теперь необходимо - не сбиваться с этого пути. Ну, то есть, - не отклоняться на мелочи, или иными словами - не отклоняться на мысли других людей в отношении его и его судьбы, явно подозревая, что мысли эти ошибочны в силу ряда серьезных обстоятельств. Причем даже как будто не важно, что сам такой человек ошибается, или желает ему зла. Как раз тут это может быть вообще не главным. А на первый план выходит просто целый ряд обстоятельств, важность ряда которых легче понять пока интуитивно, нежели чем досконально разобраться, письменно написав отчет по ним.

Написав об этом, Тагамлицкий подумал, что перед ним, вероятно, сейчас как раз и проходит такая цепь обстоятельств. Да и вообще,-- задумался он,-- они, по всей видимости, проходят перед каждым (или почти каждым,--поправил он себя). Но только

вопрос - замечает ли эти обстоятельства "каждый"? И если замечает - как он на них реагирует?

И Рудольф вдруг пришел к ужасающему замечанию о том, что он на самом деле в последнее время перестал замечать знаки, которые подавала ему судьба. То есть он их по привычке вроде как замечал, но сейчас не был уверен, что правильно реагировал на них. И все от того, что жизнь у него в последнее время стала несколько отклоняться в сторону. Причем насколько было опасно такое отклонение, Тагамлицкий не знал. Но отчего-то подозревал, что оно может действительно стать опасным.

Но не все было так плохо, как вскоре заметил Рудольф Викторович. И даже уже сам факт, что он смог выбраться, оборвать антисоциальное течение жизни, в этом можно было найти исключительно подарок судьбы. Как и вообще была подарком сама жизнь. Просто, как знал Тагамлицкий, человек иной раз способен совершить ошибки как раз из-за того, что не правильно расставляет акценты в жизни.

И дав себе обещание впредь не совершать ошибок (и даже если и совершая - не признавать их за таковые), Рудольф Тагамлицкий уверенно пошел по жизни дальше, зная наперед, что все у него будет хорошо и правильно. А сама жизнь еще принесет ему тот подарок судьбы, который для него окажется весьма кстати. И подобные мысли так подняли настроение Рудольфу, что он запел. Запел от радости и переполнявшего его счастья. Запел от того, что внезапно понял все то, как и что будет у него в жизни дальше. Понял, как он должен вести себя дальше. Понял он сейчас вдруг действительно все или многое. И самым важным было то, что Рудольф Тагамлицкий вдруг перестал обращать внимание на

слова (и даже мысли) других людей в отношении себя. Понимая, что как раз себя если кто и знает - то лишь только он. А другие всегда судят с позиции собственного взгляда на жизненные обстоятельства. На те обстоятельства, которые им иной раз хочется изменить. Но действительно ли надо было менять - об этом знал только сам Тагамлицкий. Да и то - знал только в отношении себя.

И уже понимание сего факта было по настоящему подарком судьбы. И Рудольф Викторович был, в общем-то, доволен. Как всегда был доволен тому, что в жизни получалось.

Сергей Зелинский

03 мая 2008 год.

рассказ

Измена

Он не думал, что так быстро все закончится.

По идее подобное могло продолжаться вечность. Ну, или еще достаточно долго.

Но чтобы вот так, прервалось все в одночасье?..

Плотников отчего-то был уверен, что так быть не должно.

Вместе с уверенностью у него возникло желание разобраться в вопросе.

Вопрос, по сути, был до конца не ясен, но Вадим как бы уже привык идти до конца. Привык, это потому что раньше, как он помнил, ему до конца всегда идти удавалось. Вот и на этот раз, смахнув не к месту проступающую слезу ("символизирующую утрату",--подумал Плотников), Вадим Альбертович вытащил из кармана мобильный телефон и набрал номер.

Отвечать ему, видимо, никто не собирался, поэтому, подумав мгновение (и не дав мгновению перейти в вечность), Вадим Альбертович поспешил домой.

Он всегда шел домой, когда в душе его готовился наступить разлад. Вот и на этот раз, стоило ему узнать, что некогда любимая женщина спит с другим, как сознание Плотникова слегка помутилось, и решив не искушать судьбу, он направился домой.

По пути Плотников не купил водки, и даже вообще не зашел в магазин. Это было на него непохоже. Духовно слабый от природы, свои проблемы достаточно длительное время Плотникову удавалось решать с помощью алкоголя. Причем он не находил подобное занятие чем-то предосудительным, допуская что в жизни всякое случается, а уж в его жизни точно.

Но сейчас он решил, что вполне может обойтись и без водки. И даже, пожалуй, не то что решил, а как-то само так вышло, что вместо своего обычного в таких состояниях маршрута, Плотников не заметил, как оказался дома. А оказавшись - обрадовался (обрадовался в душе; пока он немного опасался пропускать радость в сознание).

Обрадовавшись, Вадим Альбертович Плотников решил заняться делами, выполнение которых он все время отодвигал. Сейчас понял, что время подошло.

Прежде всего, он внимательно осмотрелся по сторонам (словно вспоминая, что есть в его квартире), остановился взглядом на секретере, подошел, открыл, и засунув голову вовнутрь (так, что ушел вглубь на полкорпуса своего худосочного тела) и замер на какое-то время.

Судя по всему, в его кучерявую голову пришла новая мысль. Словно в доказательство подобного - улыбка на лице Плотникова, который к этому времени уже вылез из секретера, набрал с домашнего телефона мобильный супруги, и справился как дела.

То ли по интонации Плотников намеревался узнать настроение жены, то ли просто чудил, но уже как бы то ни было - он задал свой вопрос, и теперь с нетерпением ожидал ответа.

--Извините, вы ошиблись номером,--ответил мужской голос с интонациями супруги Плотникова. Голос жены Вадим мог узнать из тысячи. Однако сейчас он отчего-то засомневался, и секунду помедлив - набрал вновь.

--Извините, вы ошиблись номером,--вкрадчиво ответил тот же самый голос прокуренного педераста (Плотников только сейчас понял, кого ему все время напоминал голос супруги).

--Подождите,--попросил Плотников, и видимо что-то уже в его голове прозвучало такое, что трубку не положили, как, было, уже подумал Вадим Альбертович, а вкрадчиво спросили, какого черта ему все-таки надо.

--Мне надо мою жену,--признался Плотников.

Образовалась небольшая пауза, в течение которой Плотников слышал дыхание невольного собеседника, но сам отчего-то молчал.

--Позовите Соню,--попросил Плотников.

--Соню?--не понял мужчина-гей.

--Да... Соню...--уже не понимая где он и кто он, попросил Плотников, словно бы надеясь что Соня сейчас действительно подойдет к телефону.

--Хотите, я буду Соней,--предложил мужчина-гей.

--Нет,--быстро ответил Плотников, и уже собираясь положить трубку, услышал голос жены.

--Вадим?.. Вадим, это я, Соня... Вадим?

--Да...

--Вадим... Почему ты звонишь?

Плотников хотел сказать что ждет, чтобы Соня вернулась домой. Он вдруг подумал, что как раз этого на самом деле больше всего ждет. Что он совсем не держит на нее зла. Что он готов терпеть все ее причуды. И даже если она того захочет...

--Вадим, я не вернусь,--ответила Соня, словно угадав его мысли.

--С кем ты?--спросил Плотников.

--С товарищем по работе,--по привычке, было, ответила Соня, но вдруг поняла, что ей теперь совсем не нужно лгать, что она может стать сама собой, и даже впервые за время своего недолгого брака сказать правду.--Я с мужчиной,--призналась Соня.

Для Плотникова слова жены показались таким откровением, что он на минуту даже опешил, и преисполнился благодарностью к супруге.

--С мужчиной...--медленно повторил Плотников, словно проверяя на вкус это слово.--А кем все эти годы для тебя был я?

Соня молчала. Плотников знал, что его супруге есть что сказать. Что она, собственно, вообще всегда находила что сказать, даже в тех случаях когда сказать, собственно, было нечего. А потому ее молчание на этот раз ввергло его в небольшое замешательство.

--Соня?--позвал он.

--Да...

--Возвращайся...

--...

--Соня?

--Да...

--Возвращайся...--Плотников уже хотел сказать, что она может возвращаться даже со своим мужчиной (если жена поставит такое условие), да подумал, что это уже вероятно будет слишком.

--Соня,--на удивление твердо ответил Плотников.--Давай еще раз встретимся и все обсудим.

--Нет,--ответила Соня, и положила трубку.

Вадим Альбертович набрал вновь прежний номер.

--Алло,--спросил вкрадчивый мужской голос с явно просматривавшимися женскими нотками.

--Послушайте,--попросил Плотников.--Я только что разговаривал со своей супругой. Не знаю кто она вам на самом деле, но не могли бы вы позвать ее к телефону.

--Могу,--запросто ответил мужчина-гей чуть помедлив.-- Но может вы приедете сами к нам?

--К вам?--опешил Плотников.

--К нам,--ответил мужчина-гей.--К нам с Соней.

--А вы кто?

--Ее друг,--ответил мужчина-гей, нисколько не смутившись подобному вопросу.

--Вы с ней спите?--внезапно спросил Плотников.

--Разве что как с подругой, в одной постели, и не вступая в интимную связь,--подробно ответил мужчина-гей на вопрос Вадима Альбертовича.

Несмотря на явную ложь (Плотников отчего-то подумал что ложь), Вадим поверил.

Поверив, почувствовал, что на душе стало спокойнее.

--Так вы приедете?--спросил мужчина-гей.--Записывайте адрес.

--Я знаю,--сказал Плотников, и положив трубку, стал собираться.

Он действительно знал адрес. Соня работала экономистом в международной компании, занимающейся сбытом на территории России различной продукции. И Плотников вспомнил, что в ее компании как раз был мужчина-гей. Соня еще пошутила об этом, когда вернувшись в первого дня работы обо всем подробно стала докладывать Вадиму, после того как он, целый день прождав супругу один дома (он тогда приболел, и на своей работе инженера по теплосетям взял больничный), и только дождавшись возвращения жены с работы, втащил загадочно улыбающуюся женщину (им обоим тогда было по тридцать лет) в спальню, где принялся заниматься с ней любовью.

После - Соня подробно рассказала о своем первом рабочем дне, как раз и упомянув загадочного мужчину с повадками гомосексуалиста.

--Как бы этот гом тебя не увел,--подумал тогда Плотников, и сейчас вспомнив те слова, понял, как он был прав в собственных бессознательных предположениях (предположения основывались на том, что из всего штата в полтора десятка

человек, Соня больше всего времени рассказывала о загадочном коллеге-гоме).

--Я приеду,-- сказал сам себе Плотников, и стал собираться.

Собирать особо было нечего. Он залез под кровать, поддел плинтус и несколько паркетных плиток, достал из ниши завернутый в тряпку предмет, развернул тот, бережно обтер, снял с предохранителя, сунул в карман, и направился в соседний дом.

Мужчина-гей жил через дорогу. Плотников когда-то встретил его, прогуливаясь с супругой по району. Тогда же они приняли предложение Вячеслава (так звали сотрудника жены) зайти на чашечку кофе. Сейчас Плотников был благодарен за ту встречу. Выйдя на улицу он безошибочно нашел нужную парадную, секунду помедлив, вспомнил даже код (Плотников обладал неплохой памятью), поднялся на третий этаж и позвонил в дверь.

--Кто там?--спросил мужчина-гей голосом с характерной интонацией представителя меньшинств.

Плотников достал пистолет и выстрелил несколько раз.

--Дурак...--подумал он, сползая и держась за живот, куда вошли срикошетившие от железной двери пули.

Ему оставалось жить совсем недолго. Ровно столько чтобы понять, что теперь уже точно жена никогда не вернется к нему. Потому что он умер.

Сергей Зелинский

31.01.2008 год.

рассказ

Рассказ

1

"Где-то далеко, за таежными далями в очень далекой земле жил некто, по названию Лилипут".

Бурмистров прочитал написанное, поморщился, решил переписать. Но как?

Вопрос был вполне уместен, учитывая желание Николая к литературному творчеству, но неумение что-то более-менее написать о том, о чем бы до этого никто не писал.

То есть он начинал, в голове его до этого разгоралось нечто удивительно-прекрасное и по настоящему масштабное, а стоило только начать переносить это все на бумагу - как уже вроде как ничего и не получалось. Ну, или получалось - но сущее безобразие.

Бурмистров задумался. Он конечно понимал, что какие бы ни были его размышления, к чему-то серьезному они способны и не привести. Но тем не менее все еще надеялся что нащупает некую лазейку в сознании, после чего, следуя по этому ходу, можно будет выйти наверх.

Зачем ему было наверх? Он иной раз и об этом думал.

Да вот как-то получалось, что считал Бурмистров, что видимо это будет наиболее оптимально, если он сейчас вот так возьмет, и куда-то да выйдет. Потому как стоило ему еще подольше задержаться, и уже совсем как будто не будет понятно ничего, что могло бы (хотя бы и в будущем) уже помочь ему выбраться из того морально-нравственного безобразия, в которое окунала его со всей серьезностью жизнь. И несмотря на все попытки собственного противостояния себе же - сделать что-то

либо было, по сути, и невозможно. Ну, разве что если предположить, что должен был он настроиться единожды на какую-то одну волну. Которая и способная будет привести его к победе. Или другими словами - вывести из этого мрачного мира царства теней и совсем неприятных аллюзий. С которыми конечно можно было бы бороться, но может и нельзя. Прежде всего потому, что невозможно...

2

Когда прошло какое-то время, Бурмистров как-то быстро и вдруг -- все понял.

Он больше ничего не опасался. Не опасался того, что могло не так быть понятым кем-нибудь. В том плане, что ему стало уже немного все равно, как он будет понят другими. Потому как знал: те, кто "нормален" по жизни - поймут также (адекватно) и его. А кто с червоточинкой - так такому человеку и все время будет что-то непонятно.

Причем само понимание как будто уже и не зависит, собственно, ни от текста написания, ни от общей грамотности как читающего, так и пишущего. Потому что в данный процесс вмешиваются уже совсем другие силы. Силы, которые не заметны сразу, и о коих даже может быть и вовсе не надо упоминать. Но, тем не менее, оказывается так, что именно они в итоге оказывают свое невидимое влияние. Опосредованно влияя на нечто, вокруг чего распространяется их влияние. Влияние иной раз настолько сильное, что кажется уже и не надо бы ничего, да только смотреть за тем, как зарождается жизнь в этом спектре вопроса; ну а после (вполне можно предположить что так) станет уже и вовсе легко. Или что уж точно - значительно легче.

Бурмистров мог предположить что он запутался, и в то же время что ему было все понятно, независимо от ряда каких-то иных факторов, вступающих в повествование и словно бы намеренно уже запутавших его.

Стремившихся запутать. Если предположить что некто взял бы и отвлекся на что-то потустороннее, не важное, вернее - не такое главное, чтобы задуматься о нем. И вот тогда бы может и правда стало бы возможным что-то такое.

Но ведь не произошло оно. Ведь как бы то ни было, сейчас все как раз именно так как есть, как понятно, как было раньше и всегда. Так стоит ли о чем-то слишком серьезно задумываться?--сказал себе Бурмистров, и уже готов был признать, что совсем не стоило так поступать ему. Потому что... Потому что он ведь все равно окажется прав. Потому как несмотря до чего он еще додумается сейчас - жизнь как бы все равно возьмет свое. И выведет его на правильный путь. К тому месту, где, быть может, сходятся иные пути. Да может и не так все обстоит на самом деле. Но что уж точно - знал уже Николай Бурмистров, что добьется он всего, что пожелает для себя. И никто не в силах будет ему помешать в том.

--Потому как это попросту невозможно,-- тихо сказал он сам себе, и продолжил сочинять свой рассказ про главного героя, которого то ли звали Лилипутом, то ли он сам был лилипутом, то ли казался лилипутом по отношению к другим - Николай пока еще не решил. Но уже понял, что обязательно все сложится в итоге как надо. Ибо он теперь был преисполнен решимости завершить начатое. И верил - что у него получится.

Сергей Зелинский

20.01.2008 год.

рассказ

Удивление Степана

Он удивлялся самому себе.

Удивлялся, как многие считали, намеренно. В то время как мало кто знал, что был этот человек всегда искренен.

Степану было около тридцати. Чуть повыше среднего роста, он из-за чрезмерной худобы казался высоким.

Одевался Степан всегда немного вычурно, явно что-то подчеркивая, но вот что - мало кто понимал. Черты лица Степан имел почти обычные. И быть может как раз в манере одеваться -- и скрывалось нечто, что могло позволить ему выйти за рамки этой обычности.

Притом что на самом деле это был весьма забавный человек. И забавность его часто проявлялась в исключительном желании подчеркнуть собственное отличие от других.

Притом что мало он чем, на самом деле, отличался, если рассматривать его портрет в спектре психики. Тогда как именно в психике у Степана иной раз замечался такой разброд, что он бросал всех, все и вся - и... исчезал.

Появлялся Степан всегда как бы в неподходящий момент. То есть нельзя сказать, чтобы его не ждали, но видеть особенно никому не хотелось.

Жил он один, его никогда не видели в компании с какой-нибудь девушкой или женщиной, да и вообще - Степан вполне мог бы произвести впечатление гея, если бы не ряд резко

отрицательных его высказываний в адрес представителей секс-меньшинств.

И если попытаться развить тему дальше, то вы начинали замечать, лишь немного понаблюдав за этим человеком, что он вообще к теме секса относится весьма оригинальным образом. То есть, в зависимости от собственного настроения, он мог эту тему или резко высмеять, или наоборот - проникнуться таким уважением к теме секса, что вам могло показаться, что перед вами, по меньшей мере, сексуально озабоченный тип.

Нет. Это была лишь одна из черт характера Степана. И на самом деле мало кто знал, что тема секса была ему действительно безразлична. И все что он хотел от женщин...

Впрочем, он ничего от них не хотел. Ни от женщин, ни от мужчин.

Он вообще старался меньше вступать в контакт с кем-либо. Предпочитая находиться большую часть времени наедине с собой. И даже профессию выбрал похожую своему настроению - Степан был музыкант.

Писал он музыку дома, общаясь с внешним миром посредством интернета.

При этом, если бы кто-то захотел сказать что-то плохое о Степане, то наверняка бы не смог. Уж слишком хороший (добрый и правильный) это был человек. И можно было только предполагать, что с возрастом эти качества в Степане будут еще более развиваться. Так что в итоге окажется, что перед нами вообще ангел. Хотя, говорить так, было бы весьма кощунственно, потому что сам Степан уже сейчас начал удивляться тому, что его воспринимают совсем не так, какой он есть на самом деле. И что

было загадкой - он не вел себя наигранно, или еще как-то, чтобы люди ошибочно подменили его истинный облик другим. Это еще больше становилось загадочно, потому как Степан действительно иной раз вел себя и вовсе некогерентно в отношении других. Тогда как можно было предположить, что было это сродни некоего эксперимента со стороны Степана. И если допустить действительно так, то после становилось понятно, почему он всегда возвращался в своей проекции бессознательного относительно внешнего мира назад. К себе такому, каким он был на самом деле. А люди... Да ведь может так получиться, что попросту не наблюдали люди за ним. Ведь то, что думает о себе каждый человек - еще не есть то, что есть на самом деле.

При этом Степан иной раз относился к себе очень даже скептически.

После чего корил себя, всякий раз убеждая больше подобного не делать, и вообще - стараться любить себя всегда. Он и любил. И даже очень хотел научиться любить кого-то еще. Да стеснялся.

И очень удивлялся уже от этого. То есть можно сказать, что Степан Шмеерсон намеренно делал поступки, после которых удивлялся, как он мог их совершить. При этом, совсем как будто не долго раскаиваясь, он совершал поступки подобного плана вновь. От чего уже в зависимости от обстоятельств, или удивлялся еще больше, или же совсем не удивлялся, считая подобное что-то на вроде порядка вещей.

И при этом Степан как никогда в последнее время стремился найти смысл жизни. Он искал этот смысл и раньше; и даже считал (про себя), что такой смысл неким таинственным

образом всякий раз от него удаляется. Удаляется от его понимания. Но Степан совсем не собирался из-за этого менять собственный взгляд на мир. Быть может потому, что этот мир и так был странным, в представлении Степана? А может потому, что Степан лишний раз решил не задумываться над тем, что все равно не имело последовательного разрешения. И если допустить, что в какие-то разы все могло ему казаться совсем не так, как это было на самом деле, то можно было заключить, что подход Степана к жизни был в его представлении вполне оправданным. Причем до конца невозможно было сказать, как было на самом деле. Разве что допустить существование мифа о некоей (или полной) фееричности бытия. Бытия как того, что окружало Степана на протяжении жизни. И считая так, этот, в общем-то, неплохой человек, почти кардинально ошибался,--по словам ряда его друзей, которые, по сути, никакими друзьями Степана не были. Потому как он и раньше замечал за ними уж слишком спорные (на его взгляд) высказывания в свой адрес. А после того, как взял да сопоставил все и вся - понял, что это скорее враги, чем друзья. И осознав что это действительно так, разом разорвал отношения со всеми.

И при этом... При этом Степан переживал (и даже немного расстраивался) что так произошло. Пока не понял, что может как раз в этом и есть, большей частью, подарок судьбы. Потому как судьба сама помогала ему расчищать дорогу. Дорогу на пути чего-то нового, и наверняка лучшего,-- считал Степан Шмеерсон.

--Да и разве может быть еще хуже?-- вопрошал, бывало, он себя, после чего ему становилось немного стыдно уже за подобное отношение к жизни. Ибо он знал, что по настоящему

плохо ему не было никогда. Так, случались какие-то наметки чего-то такого, что должно было случиться что-то не то, но ведь до конца оно действительно никогда не случилось. И даже если предположить совсем уж самое худшее,--как размышлял иногда Степан,--то даже и тогда, этого худшего не было.

-- Не было, и быть не могло,--повторил Степан, и зашагал дальше по жизни.

Шагал он долго и с высоко поднятой головой. И в конце концов мог бы таким образом куда-то дойти. И что уж точно - в это верил. Причем, иной раз Степан верил так, как никто другой. Верил - и подобная вера всегда благотворно сказывалась на нем. Придавая силы, которые всегда нужны любому человеку. А Степану особенно. Потому как считал он себя не совсем обычным человеком. Удивлялся, конечно, этой необычности. И даже большей частью удивлялся тому, что так считал. Но с другой стороны,--рассуждал Степан,--ведь просто и не могло быть как-то иначе.

--Иначе совсем быть не должно,--говорил себе Степан, и шел по жизненной дороге дальше. Твердо веря, что дорога когда-нибудь выведет его на тот путь, который приведет к счастью.

Удивлялся, конечно, что считал так. Но не мог с собой ничего поделаться. И шел дальше.

А удивление... Так за годы жизни Степан к такому удивлению привык. И даже немного удивлялся подобному привыканию...

Сергей Зелинский

13 апреля 2008 года.

рассказ

Понимание

Он понимал, что должен разрешить свои противоречия, и тогда вполне возможно, что его допустят до главного.

В чем должно было заключаться это главное, и кто, собственно, допустит, Аркадий Васильев пока не знал. Но если серьезно, он и не задавался серьезными целями что-то узнать. Допуская, что,-- то, что будет необходимо - придет само. А лишнее как бы еще и помешает.

Ну да может и не помешает. У Васильева, если честно, пока не было четкого мнения по этому вопросу. И он полагал, что все наиболее значимое в его жизни должно будет случиться как бы после. Хотя и, признаться (точнее - он мог в этом признаться только себе), Аркадий Васильев все равно допускал существование чего-то такого, что должно было, по его мнению, в самое ближайшее время если не разрешить все проблемы да унять возможные сомнения, то, что уж точно - смоделировать ситуацию будущего таким замечательным образом, после чего он и действительно окажется спокоен.

Нельзя, конечно, было сказать, что он не был спокоен сейчас. Но исходя из возможностей понимания ситуации как бы в целом, Васильев находил существование определенных недопонятостей в ряде вопросов, касаемых его жизни, и, главное, в адаптации к социуму.

И вот тут, видимо, и начинала просматриваться существенная проблема, потому как, если говорить о механизмах подобной адаптации, то у Аркадия Васильева они были некоторым образом если не нарушены, то приводили к ряду серьезных

недоразумений, во время которых его, иной раз, даже били на улице, а в большинстве случаев - игнорировали. Считая чудиком, с которым связываться себе дороже.

А Васильев подобное словно бы не замечал. Допуская про себя, что когда-нибудь все наладится, и - честно ожидал того часа, когда все станет по-другому.

Сколько ему еще предстояло ждать, Васильев не знал. Не знал, но, по сути, пока и не стремился узнать. Он вообще предпочитал в определенных случаях не формировать события. Допуская, что пока те могут идти в русле вырисовывавшейся цепи обстоятельств, пусть, как говорится, и идут. Чтобы не зависеть от обстоятельств, как полагал он, допуская при этом, что в любой момент способен подойти к рассмотрению вопроса глубже, а значит....

Впрочем, так глубоко он не загадывал. И даже не то что ерзал по поверхности, но пока его вполне удовлетворяло то, что было.

Притом что, по большому счету, еще ничего серьезного и не было. А сам Васильев, как бы даже допуская многое, понимал, что на самом деле действительность вполне могла быть даже совсем иной, чем о ней имел представление.

Но вот даже считая так, иной раз попросту запутывался в отделении частного от целого. Намереваясь, конечно, с подобным вопросом со временем разобраться, но когда должно было наступить это время (время, которого он тайно ожидал) Аркадий Всеволодович Васильев не знал.

Было ему 27 лет, и он верил, что у него еще все впереди.

.....

Если бы кто-то попытался охарактеризовать Васильева, то мог бы сказать, что представлял тот из себя достаточно противоречивую фигуру, если оценивать Васильева внешне. При этом внутри у Аркадия царила гармония и упорядоченность как мысли, так и трансформация мысли в действие, то есть - в поступки.

Впрочем, поступки Васильева тоже весьма различались. Например, кем-то из знавших его, было подмечено, что в обществе Васильев реализовывал несколько иную модель поведения, чем она была внутри. При этом от подобной игры (прежде всего - от необходимости ее) не только не уставал, но и видимо считал ее вполне чем-то само собой разумеющимся. Хотя и вполне могло выходить так (как тоже кто-то заметил), что он попросту не знал, не жил, при реализации какой-то иной ситуации. Словно бы каждый раз оказываясь вынужденным находиться в спектре проекции своего собственного видения ситуации - на саму ситуацию в целом, да и, пожалуй (так считал сам Васильев) в частности.

В частности, как пояснял Аркадий Всеволодович, означало, что отдельные ситуации действительности не только моделировались им заранее, но и брали начало исключительно из собственного убеждения о значимости той или иной ситуации в целом. Значимости прежде всего для психики. И необходимых (так уж получалось) вообще для его жизни. Хотя и было заметно, что он продолжал уходить от ряда вопросов, по ответам на которые можно было бы разгадать нечто большее в мировоззрении Васильева, чем он это старался показывать. И ведь не то, что он был таким уж скрытным человеком. Нет, как раз на людях (в том

же обществе) Аркадий Васильев всегда был открыт, по крайней мере, явно демонстрировал это. Тогда как известно, что любую ситуацию невозможно рассматривать в одной плоскости. И вот если бы посмотреть иначе...

Впрочем, иначе смотреть Васильев не хотел, а если и смотрел (иногда проделывая нечто подобное), то совсем не стремился, чтобы его видели в подобном спектре собственного бытия другие. А потому в связи с этим, наверное, можно было бы допустить, что он скрывал как минимум часть того целого, которое не должен был бы собрать никто. Никто и никогда,-- сказал бы сам Васильев, но он был человеком осторожным, и предпочитал особо не распространяться о том, что на самом деле думал. Из-за чего кто-то из его немногочисленных знакомых, конечно, и мог бы сделать какой вывод, но в том-то и дело, что у Васильева действительно было немного людей, которым он доверял, но и даже те, кто входил в некий круг приближенных - все равно при любом усилии не смогли бы правильно оценить жизнь и поступки Аркадия Всеволодовича Васильева. Просто потому, что не располагали должным количеством фактов. Тех фактов, которые Васильев если и не скрывал, то не стремился выпячивать. Оставляя в мнении о себе со стороны других все время какую-то недоговоренность. Так, что словно бы что-то было, но вот исходя из незнания деталей, можно было допустить, что на самом деле ничего и не было.

Самому Васильеву было всегда проще, что считали так. Он не только не стремился стать понятным для окружающих, но и, по сути, всегда хотел оставаться наедине с собой. Допуская, видимо (зная себя), что как раз ему это будет наиболее

оптимальным, важным даже можно было сказать; и уже если подобное происходило так, можно было сделать вывод, что видимо так и было. И сам Васильев даже не задавал себе вопрос "почему". Ему так было спокойнее. Ведь он все равно понимал если не все, то многое. А со временем знал, что поймет еще больше. Так стоит ли сейчас тратить нервы на поиск смыслов, которые все равно в полной мере постигнуть он бы не смог. А если так, то можно было элементарно жить. Просто жить. Чем он, собственно, и занимался.

Сергей Зелинский

12.06.08 г.

рассказ

Вера в мечту

Он, конечно, понимал, что все это вымысел.

Но если подойти к подобному вопросу беспристрастно (да еще с долей вымысла), то тогда все оказывалось не так печально. Хотя бы потому, что Скворцов искренне верил в свою мечту.

У него была даже не одна мечта. И долгими одинокими вечерами рассматривая ее, Алексей верил, что когда-нибудь все произойдет наяву. Случиться, так сказать.

Причем его немного в меньшей степени интересовал сам факт воплощения подобного. И он скорей всего рассматривал исполнение данного желания как итог некоего существования. Ну, или другими словами - как претворение какого-то своего особого желания в жизнь.

И надо заметить, у Алексея Скворцова были все шансы, чтобы нечто подобное действительно состоялось. Претворилось, так сказать, в действительность. Причем уже словно бы и оказывалось неважным, что все, о чем мечталось Скворцову - было из разряда ну не то чтобы не исполнимого (никто не знает до конца, что с ним произойдет завтра), но словно бы какого-то отдаленного. Того, о чем хотелось как раз мечтать.

Скворцов мечтал, и со временем находил он, что его мечта вполне имеет право на существование. Пусть даже не сразу, но то, что когда-нибудь это случится, в это Алексей вдруг удивительным образом поверил. А поверив - удивился себе. Но и даже это удивление уже не способно было отвлечь его от начала претворения мечты в реальность. Ведь так выходило, что он вдруг решил, что его мечта должна действительно претвориться в реальность. Причем не в какое-то недостижимо-абстрактное время, а, что называется, - во время самое ближайшее.

И это уже был повод задуматься.

Но и задумавшись, Алексей не находил способов как-то воспрепятствовать претворению мечты в реальность. Более того. Рассматривая вопрос собственных чудачеств (он это иногда называл так), Алексей несколько не был уверен, что у него что-то не получится. Не верил и все. Он вообще мало во что, в последнее время, верил. Словно оставляя веру для своей мечты. Мечты, в реализации которой вдруг стал испытывать столь сильное желание, что действительно рассчитывал, что все у него получится.

--Ну а разве возможно иначе,--бывало, рассуждал Скворцов, и находил, что, по сути, иначе никак и не возможно.

И уже следующим шагом было его неперенное желание во что бы то ни стало реализовать свои фантазии. Ведь мечта Алексея была фантазия. Некая иллюзия того, что вряд ли могло совершиться, но мечтать о которой весьма и весьма хотелось. Причем со временем самому Алексею уже становилось понятно, что ему никогда толком не удастся сформулировать мечту, но даже после такого осознания, он продолжал ясно видеть смысловую сущность мечты, и ее фееристичную притягательность. И даже если еще немного подумать...

Но думать об этом Алексей не хотел. Он знал, что подобное размышление приведет к заострению мысли на проблеме. А потом окажется, что никакой мечты нет. В том смысле, что она есть, конечно, она останется, но вот уйдет ее смысловая притягательность.

И такая мечта будет ему уже не нужна.

Скворцов ревностно относился к подобному. Он понимал, что именно мечта до сих пор помогала ему как-то идти по жизни. К чему-то стремиться. Может быть даже чего-то достичь, хотя младший научный сотрудник Алексей Митрофанович Скворцов пока не знал, действительно ли его должность тот потолок, к которому он всю жизнь стремился. Причем Скворцову было уже 47, и какие-либо перспективы роста в его представлении были весьма сомнительны, хотя и возможны. Ведь Алексей верил в мечту. И пусть мечта эта пока не была точно сформулирована, -- ее излучение расходилось, проецируясь на все остальное. В том числе и подтягивая за собой другие мечты. Ведь мечта, как сейчас понял Скворцов, не есть нечто совсем уж абстрактное. Она наверняка несла в себе, как догадывался Скворцов, какую-то

определенную смысловую нагрузку. И это все помимо того, что все же главная мечта была у него одна. В то время как наличие этой главной мечты нисколько не исключало существование и других мечтательных иллюзий. И быть может как раз это помогало Алексею Скворцову не только до конца не избавиться от своей мечты (попытки такие вроде как были), но и стремиться добиться ее чуть ли не вечного существования.

И так было необходимо еще и потому, что Скворцов знал: как только его мечта воплотиться, она исчезнет. А если исчезнет, Скворцову станет очень и очень грустно.

И потому он лелеял собственную мечту. И потому он стремился, чтобы она не прекращала своего существования. Не прекращала никогда. А он...

--А он уж подстроиться под ее существование,--сказал себе Скворцов, и был, в общем-то, доволен происходящим. Да и как он мог быть не доволен. Ведь у него была мечта, и это на сегодняшний момент для него было самое главное.

Сергей Зелинский

22.05.2008

рассказ

Мечты Семена Шпильмана

И ведь не сказать, чтобы Семен Шпильман так-то уж чувствовал свою какую-то невменяемость в жизни.

Хотя если посмотреть правде в глаза, то есть, не отворачивая их, то Шпильман был забавной личностью. Всегда сам себе на уме, Шпильман находил выход, казалось, в таких ситуациях, из которых никто кроме него не мог бы выбраться без

особых убытков. А Шпильман мог. И даже в большинстве случаев с какой-то выгодой.

Это удивительные наклонности Семен Шпильман развивал в себе с детства. С того самого детства, в котором сверстники сначала били его безжалостно, а потом - через несколько лет -- продавались ему, будучи готовыми выполнить любое дело, если это дело могло понравиться Семену Шпильману.

Семен действительно умел найти подход к людям. Внешне никогда не выделявшийся их толпы (ну разве что своим носом), Шпильман достаточно быстро раздобыл способ обращать врагов -- по желанию - или в друзей, или подчиненных. Причем как раз у Шпильмана подобные градации весьма смещались, наслаиваясь друг на друга. И через время мало кто уже мог определить, кем он приходится Шпильману.

Причем явно так получалось, что Шпильману нравилось играть во все эти игры.

Но самое любопытное, это отношения Семена с женщинами.

Женщины Семена делились в его представлении на две категории. С одними он мог вести интеллектуальные беседы и вообще радоваться жизни. С другими как бы тоже радоваться жизни, но главным образом вкушая запретные прелести, как Шпильман называл сексуальную связь в извращенной форме. Хотя, какая тут может быть извращенная форма, рассуждал Шпильман. Разве что в представлении сексуальных невежд? Ну, так Шпильман верил, что пройдет какое-то время, и люди современной цивилизации научатся называть вещи своими именами. Хотя, догадывался он, до конца так не произойдет.

Потому как этому есть как много сторонников, так и противников всего, что связано с сексуальной жизнью. И все потому,-- рассуждал Шпильман,-- что народ попросту еще не готов к свободам, связанным с сексуальной вакханалией,-- решил Шпильман, вспоминая ситуацию 60-х годов прошлого века на Западе, разыгравшуюся в период так называемой сексуальной революции.

В общем, Семен хоть и наслаждался отношениями с женщинами, но предпочитал их особо не афишировать, понимая, что в наличие слишком большого числа умных женщин не поверят мужчины, а в наличие еще большего числа раскованных женщин не поверят сами женщины, предпочитающие по старинке умалчивать необходимое да быть может даже,-- задумался Шпильман,-- обязательное.

Однако нельзя сказать, чтобы Шпильмана так-то уж мучили подобные вопросы. Он если о них рассуждал, то делал это скорее в минуты каких-нибудь уж очень серьезных раздумий, вызванных к тому же, в большинстве случаев, хандрой или иным туманом в его голове. А так Семен Шпильман был, может даже, и веселым человеком. По крайней мере, грусть свою не выставлял наружу, предпочитая обществу не раскрывать всех секретов о себе. Да Шпильман и всегда знал, что делает. А потому несколько не удивился, когда в его квартире раздался звонок, и пришли какие-то люди с надуманными обвинениями против него, после чего Шпильмана арестовали и заключили в кутузку.

На следующий день Шпильмана выпустили, извинившись, и выставив его вон из отделения, что-то буркнув

про то, что случайно перепутали, но чтобы он никому не жаловался, а то "посадят по настоящему".

Шпильман понял, что это скорей всего заказ кого-то из его врагов, решивших таким образом проучить Шпильмана, да Шпильману уже было все равно, потому что в очередной раз убедившись, что в этой стране можно делать многое если не все то многое, Семен Шпильман в очередной раз подумал об отъезде на историческую родину. И пусть там его никто не ждал, но Шпильман давно уже обратил внимание на определенную тенденцию, когда в минуты тягостных раздумий мысли об отъезде в Израиль как-то по особенному согревали его душу, да и вообще, ему тогда становилось как-то по особенному легко, свободно, и даже -- необычайно приятно.

В такие минуты Шпильману так же очень хотелось женщину.

Но он всегда сдерживался, желая продлить нравственное удовольствие, потому как знал, что с приходом женщины его сознание переключится на другое, и конечно тоже после ожидаемого действия это будут приятные впечатления, но вот совсем не хотел сейчас этого Шпильман. В последнее время он как-то привык беречь то что имел, понапрасну не расставаясь со своими чувствами, потому как понимал, что вполне может быть, что было это самое дорогое, что только у него было, а значит... А значит лучше сохранить то что есть, потому как может так случиться, что еще неизвестно как и что будет в будущем. Да и где оно, будущее? А настоящее как будто бы рядом.

И пусть через время это настоящее уже станет прошлым, на самом деле все не так плохо,-- рассуждал Семен Шпильман,

удобно развалившись по-американски в кресле, вытянув ноги на стол, и попыхивая сигарой, которую всегда раскуривал в таких случаях.

Однако Шпильман уже пришел как-то к размышлению, что не стоит ему слишком много размышлять об одном предмете. Иногда для него был важен сам процесс. Но вот чтобы так-то уж заикливаться на одном, а после как обычно мучиться и страдать, - этого Шпильман не любил.

.....

В своих отношениях с девушками Шпильман придерживался поразительного единства мнений. Своих прошлых мнений, и тех мнений, которые должны были изменяться со временем, да все не изменялись.

Причем тут как бы было не все так просто. На людях Семен Шпильман вполне мог быть таким, каким его хотели видеть. И даже при этом не настолько сильно играть. Просто он действительно был разным. И был разным не в зависимости от ситуаций (какая-либо игра на самом деле ему претила), а от своего внутреннего восприятия мира на тот или иной момент. То есть он мог быть одним или другим, а причина крылась где-то в глубине его психике. Причем нисколько эта причина не стремилась быть распознанной. Да и вообще, зачастую оказывалось так, что Семен Шпильман через какое-то время начинал вести некую шахматную партию со своей психикой. При этом не рассчитывая ни на победу, ни на поражение.

Станный он был, Семен Шпильман. И сам же знал о своих странностях. Знал, и порой немного даже опасался их. Понимая, что фактически ему уже не остается иного выхода,

кроме как играть. Играть успешно, то есть непременно выходить победителем, в ином случае может ему стать как минимум скучно, а может и просто оказаться, что Шпильман поймет какой-то иной смысл в жизни. А то и сделает эту жизнь несколько увлекательнее, чем она была в его варианте. Потому что Шпильман на самом деле был консервативно скучен, даже в иных случаях скучен до занудства. Но зная за собой подобный недостаток, он охотно менял планы, внося неожиданные коррективы в жизнь. Отчего эта жизнь становилась хоть на миг, да веселее.

Однако веселость это было не совсем то, что необходимо Шпильману. Поэтому он вида особенного не показывал, когда что-то понимал. А вот если не понимал - всячески стремился добиться понимания. Подразумевая, при этом, в понимании иной раз нечто совсем необъяснимое. То есть то, что в обычном понимании - пониманием, вроде как, и не выглядит.

.....

Семен любил жизнь во всех проявлениях.

Так выходило, что он не мог до конца в этом признаться никому. Да и сам выработал для себя определенные правила да привычки, которые не позволяли ему в полной мере быть самим собой. То есть можно было говорить о том, что Семен Шпильман определенным образом сдерживал себя, понимая, что если даст волю - это может привести к нежелательным последствиям.

Не сказать, что Шпильман при этом как-то уж слишком себя ограничивал. Скорее всего так получалось, что он принял те правила внутреннего поведения, которые были близки ему. А приняв - привык к ним.

После чего говорить о том, что Семен что-либо делал в своей жизни не так, было уже как бы и неправильно.

А вообще любимое занятие в последнее время у Шпильмана было какое-то неестественное мечтание. Мечтал он о многом. В этом "многом" не было ничего конкретного. Шпильман только раз как-то до удивления задумался, попытавшись нащупать предмет мечтаний, да после понял, что делать подобное не стоило. Хотя бы потому, что, рассматривая вопрос собственных мечтаний, он подходил к этому как-то неестественно внимательно (сказывалось академическое образование), и тогда он словно бы становился заметно выше своего среднего роста, хотя и как-то суживался, притом что от природы итак не был крупным.

О чем на самом деле мечтал Семен, хотели бы узнать многие. Например, его коллеги по акционерному обществу, в котором Семен Шпильман занимал должность главного инженера.

Были, конечно, различного рода предположения. Но никто не ведал о том, что мечтал Семен на самом деле. И самое удивительное, что он и сам пока точно не знал. Хотя и надеялся, что это всего лишь вопрос времени. А значит пройдет какое-то время, и он, Семен Израилевич Шпильман, найдет ответы на все вопросы, которые так часто в последнее время задавал себе. А пока... Пока осталось только ждать. Но Шпильман был к этому готов.

Сергей Зелинский

29.03.08

рассказ

Настройка

Всю жизнь он считал, что является специалистом по настройке музыкальных инструментов.

Он носил фамилию Велихов, было ему 63 года, последние годы Велихов переключился только на обслуживание vip-персон, и по всему мог сказать, что если не жизнь удалась в целом, то старость себе он обеспечивал.

Тем более что жил он один. До города (проживал в пригороде Санкт-Петербурга) добирался на личном автомобиле; родственников, которым должен был помогать, не имел, зато все помогали ему. Все - это имеется в виду клиенты Велихова. Корней Романович Велихов считал, что те, кто приглашает его помочь наладить какое-либо музыкальное оборудование, помогают ему. Потому что платят за раз - иной раз в несколько раз больше, чем получал он от государства в виде пенсии за месяц. Поэтому Велихов и не очень жаловал государство, предпочитая, конечно, не вступать с ним в явный конфликт, но если предоставлялась подобная возможность - себе не отказывал. Полагая, что получает всего лишь малую компенсацию за все то зло, которое государство причиняло ему в течении жизни.

Подробностей у Велихова никто не спрашивал, но даже если бы и спросили - не ответил бы. Корней Романович вообще предпочитал лишний раз не вступать с незнакомыми людьми в контакт. А знакомых у него не было. Он даже никогда не интересовался именами клиентов. Для него они проходили под безличностными номерами. Причем по мере выполнения заказа - он забывал и номера. И никогда не старался вспомнить.

Жизнь Корнея Романовича Велихова, по сути, была подчинена следованию определенных закономерностей. Причем,

чем строже были выведенные им для себя законы, тем проще он нарушал единожды установленные правила, допуская, что из любых правил всегда бывают исключения. Чем он и пользовался. Фактически, как кто-то заметил, подстраивая жизнь если не окончательно под себя, то что уж точно - под некое собственное видение того или иного вопроса.

Ему вообще нравилось заниматься настройками бытия. И при этом он не забывал профессии, которая давала ему основной источник дохода. А потому так и существовал как бы в двух плоскостях-измерениях, осуществляя многое, а, по сути, делая еще больше.

И так бы он существовал, не пытаясь перешагнуть за некую черту (за которую никогда не переступал), и, наверное, продолжал бы, если и не показывать прилюдно что радуется жизни, то радоваться ей в душе,-- но все чаще что-то тревожно становилось в его душе.

Причем, сколько не пытался Корней Романович доискаться до причины подобного, не мог. Любые попытки внезапно вдруг оказывались несостоятельными в призме научного рассмотрения. И если разобраться, вполне возможно, что так это все и было. Разве что...

А все дело в том, что помимо тревожности, все чаще стала появляться у Корнея Романовича Велихова и мысль о собственной исключительности. Как врач (когда-то Велихов закончил мединститут; музыка была увлечением молодости, переросшее со временем в профессию) Корней Романович опасался любых собственных размышлений в подобном спектре вопросов. Но как человек, ему было приятно. Тем более становилось приятно в его

возрасте, когда многое в жизни уже сделано на уровне, чтобы это смогли оценить другие, и при этом позволяло продолжать получать подобную оценку со стороны тех же его клиентов, например, искренне радовавшихся приходу его, и по доброму всегда благодаривших Корнея Романовича за помощь.

Помощь подкреплялась денежными знаками и (или) подарками. Велихов принимал подобное как должное, понимая, что если бы не он, то у людей оставались бы психологические проблемы, а так, своими умелыми действиями по настройке различных музыкальных инструментов, он избавлял этих людей от душевного дискомфорта. Помогая, опять же (это была когда-то выстроенная Велиховым теория) зарабатывать деньги, строить карьеру, обрести, быть может, даже личное счастье. Велихов сам знал как это все важно, наличие душевного комфорта. Он давно уже специально жил один (намерено разведясь с супругой), чтобы, приходя домой, никто не смог бы вывести его из себя. Чтобы...

Велихов не очень любил, на самом деле, продолжать, что означало это "чтобы", но знал, что значило оно для него многое. Многое, если не все,--признался бы он себе в душе, на людях оставаясь большей частью даже безучастным, и стараясь не вступать в любые дискуссии подобной тематики, да и вообще, если разобраться, жил своей жизнью. Жизнью человека, помогающего людям, и довольного что это так; довольного в осуществлении своей какой-то миссии, да и вообще, получалось, довольным если не всем, то многим. И, наверное, это было так. Потому что, настраивая инструменты и через них жизнь других, он настраивал и себя как на продолжение жизни, так и на

позитивное отношение к жизни. А это, по его мнению, действительно было важно во все времена.

Сергей Зелинский.

12.06.08 г.

рассказ

Удивление

Почему-то, когда Самуил Маркович начинал рассматривать на своих уроках по психологии такую сущность психики индивида как удивление, ему никогда не удавалось продвинуться дальше заглавия темы.

Поначалу это Самуила Маркович не беспокоило. Не в этот раз, так в следующий, считал он, и переходил к другой теме. Но прошло еще какое-то время, и Самуил Маркович Игнатъев, преподаватель психологии в среднем учебном заведении профессиональной направленности, озадачился подобным фактом. А прошло еще как будто совсем незначительное время, и сей факт стал Игнатъева удивлять.

Причем удивление по поводу "удивления" его со временем стало настораживать.

--Не может быть,--сокрушался Игнатъев, когда ему совсем становилось худо от собственных мыслей.- Должна же в этом во всем проследиваться какая-то закономерность?

Но сколько Игнатъев не раздумывал, пытавшись докопаться до истории вопроса (первопричины произошедшего, так сказать, как говорил он), у него ничего не выходило. А то и даже начинало казаться, что он, Самуил Маркович Игнатъев, никак не может выйти из замкнутого круга. И если разобраться, думал Самуил Маркович, так это и было.

Но Игнатъев не привык склонять голову перед трудностями. Но сколько он не пытался вновь и вновь начать заданную тему, у него не только ничего не получалось, но и со временем он начинал казаться себе откровенной сволочью, и, прекращая все попытки, напивался.

Когда Игнатъев выпивал, у него все становилось на свои места. Да и сама реальность, как замечал Самуил Маркович, вдруг начинала поворачиваться к нему исключительно своим лицом. Отчего на душе Игнатъева становилось хорошо и спокойно. А еще очень весело. И в такие минуты он (быстро, легко, на память) повторял про себя конспективное изложение лекционного материала по теме "удивление". И радовался, что так все происходит.

Но когда Игнатъев трезвел, по теме "удивление" он не мог сказать ни слова.

--Парадокс,--в который раз повторил Игнатъев. На этот раз он наткнулся на протест психики произнести даже первые строчки выученной им на зубок темы во время министерской проверки. Причем на удивление, Самуил Маркович думал сейчас о чем угодно, только не о проверяющем, который, было, привычно задремав при первых словах Самуила Марковича, и теперь в недоумении вертел головой, словно бы пытаясь в лицах окружающих прочесть, что он пропустил.

И вдруг Самуила Марковича прорвало. Разом, в одночасье, тема "удивление" хлынула из его подсознания. Игнатъев рассказывал весело, даже задористо, с юморком приводя появившиеся вдруг откуда ни возьмись цитаты и случаи из жизни, и совсем как будто не думая о том, почему так все произошло.

Почему вдруг получилось все, что раньше уже в течении почти полугодия превращалось для Самуила Марковича в настоящую пытку. Почему, почему, почему... Почему.

А он и не думал почему. Это уже потом, когда на следующий день он придет на работу, и заметит, как коллеги-преподаватели с подозрительным любопытством (а кто и с удивлением) смотрят на него. Это завтра он в конце-концов узнает, что говорил на своем занятии на самом деле черт знает о чем, и отчего-то через предложение вставляя один и тот же пример, выставляя в качестве главного героя этого примера проверяющего из Москвы, который, по словам Самуила Марковича (эти слова ему передал директор, с каким-то глубинным - и пока непонятным для Игнатьева - смыслом смакуя фразу Самуила Марковича про сравнение проверяющего из московской комиссии с удивленным гусем)... Игнатьев вдруг все понял. Понял разом и бесповоротно.

И он также понял, что потерял работу. А потому поспешно попрощавшись с теми, кого встретил в учительской, Игнатьев поспешил домой, чтобы напиться. Почему-то ощущение того, что тема ему все-таки удалась, пока перевешивала все остальное. Это уже после, знал Игнатьев, придет мучительное раскаяние за произошедшее. И это после, как помнил Игнатьев, не раз попадавший в подобные передряги, чувство вины будет отплясывать свой смертельный танец на нервах его совести. Это будет все после. А пока...

А пока Самуил Маркович Игнатьев спешил напиться, чтобы хотя бы еще на какой-то миг продлить то удовольствие, которое он получил от вчерашнего занятия. И он мог бы еще чему-

нибудь удивиться, удивиться, словно в дополнение ко всему, но уже не хотел.

Тема удивления была им пройдена. И он не хотел ее возвращения.

Сергей Зелинский

20 мая 2008 год.

рассказ

Девушка мечты

Он не думал, что такое возможно.

Всякий раз, когда он пробовал подобного достичь раньше - у него не выходило ничего, кроме как появления мучительного чувства вины за саму мысль о возможности подобного. И при этом сейчас он вроде как делал тоже самое, а перед ним уже все стало по-другому. У Марка Вагнера появилось ощущение, что он наконец-то получил доступ в игру, запрет играть в которую неким свечением проходил ранее перед ним. И ему (после нескольких неудачных попыток), уже словно бы ничего и не оставалось, как прекратить попытки, и...

--Я вижу, что теперь у тебя все иначе,-- произнес Феликс, как показалось Вагнеру, излишне подозрительно посмотрев на него. Хотя может это ему показалось, потому как Феликс, его давнишний друг и учитель, просто на несколько дольше чем обычно задержал на нем взгляд. Причем позволив себе это, даже зная, что Марк Вагнер не любил, когда кто-то пристально рассматривает его.

--Теперь все иначе,--ответил Вагнер, не выдержав взгляд Феликса, и зачем-то уставясь в пол. Он и раньше делал подобное,

но видимо тогда это не вызывало в его душе чувства, сродни возникшему теперь. А потому Вагнер попытался изменить тему разговора, заговорив о самом Феликсе.

И вот тут понял Вагнер, что расспрашивать о чем-то Феликса он не может, потому как нет у него необходимой информации, чтобы беседа протекала в необходимом русле, а не была бы просто демагогией.

--Послушай, дружище,--посмотрел на Вагнера Феликс.-- Мне сдается, что теперь ты действительно стал другим. Ты сам-то как считаешь?

Марк Вагнер согласно кивнул. Он и сам так стал считать с недавних пор. Всю свою недолгую жизнь, до тридцати с небольшим, Марк Вагнер стремился найти девушку мечты. И при этом, встречаясь с такими девушками, понимал, что на самом деле они не такие. И даже уже подумал, что не встретит. А тут вдруг разом нашел то, что все эти годы искал.

Девушка была китаянка. Звали ее Вивьен Ли. Ли была стройная, худенькая, и очень-очень покладистая. Ну и к тому же она была красивая. Очень красивая. Причем красота ее казалась настолько естественной, что Вагнер не задумываясь сделал предложение Ли в первый же вечер их знакомства.

С тех пор прошло две недели, но он ничуть не пожалел об этом.

--А откуда приехала Ли?--поинтересовался Феликс.

Маркс посмотрел на него немного отстраненно. Он вновь погрузился в воспоминания о том, в какие таинства вводила его Ли, и ему не хотелось так скоро возвращаться в мир реальности. Да и что мог дать ему этот мир? Реальность всегда стремилась

только разрушить его мечты. Поэтому можно было предположить, что Марк Вагнер все годы стремился из этой реальности выбраться. И при этом вынужден был находиться в ней, чтобы не прослыть сумасшедшим, или же действительно не сойти с ума.

--Послушай, Марк,--внимательно посмотрел на него Феликс.--А расскажи мне о Ли?

О Ли Марк мог рассказывать часами. Такой девушки ему действительно не доводилось раньше встречать. Несмотря на редкую мужскую красоту, позволявшую ему свободно знакомиться с девушками, спать с этими девушками, и даже почти беспрекословно реализовывать с ними те фантазии, которые рождались в его творческой голове, Марк не мог похвастаться встречей с девушкой мечты. Все эти девушки были как бы на одно лицо.

Ли была не такая. Она сразу покорила Марка, и сколько он не пытался не думать о ней,-- больше думать он ни о ком не мог.

--Ли... Ли...--повторял Марк, и перед ним тут же возникал образ этой девушки.

--А сколько ей лет?--задал очередной вопрос Феликс, чем вверх Марка Вагнера в некое замешательство. Марк только сейчас понял, что не знает о Ли на самом деле ничего. Он не знал, сколько ей лет, не знал, как долго она живет в России, не знал... Он ничего о ней не знал.

--Но ведь он и не стремился о ней что-то узнать,-- подумал Марк о себе в третьем лице.--Не стремился, внутренне понимая, что так для него будет проще. Может даже спокойнее. И если уж действительно о чем-то говорить начистоту...

Впрочем, Марк не собирался сейчас говорить с собой начистоту. Он и так раньше излишне изводил себя ненужными вопросами, так что совсем как будто и не жил вовсе из-за этого, а лишь существовал. Влачил существование, если быть еще точнее. Тогда как на самом деле...

На самом деле он всегда стремился избавиться себя от чего-то подобного. И даже какое-то время как раз в этом избавлении видел некий жизненный смысл. Пока не понял, что все это слишком глупо, чтобы об этом серьезно задумываться. А потому стал просто жить. Просто жить,--вспомнил Марк слова Дейла Карнеги. Вспомнил, как когда-то сильно ему помог этот психолог действительно перестать беспокоиться и начать жить. Притом что если рассудить...

--Только не рассуждать,--дал себе запрет Марк, и только сейчас заметил, что он один. Феликс ушел.

--Видимо обиделся,--подумал Марк, но мысли о Ли моментально вытеснили в его сознании весь негатив, и Марк Вагнер стал вспоминать.

Он вспоминал, и приятное тепло разливалось в его душе. Так что ему совсем не хотелось возвращаться в реальность. В ту реальность, в которой его ожидал Феликс. Который вернулся.

--Где ты был?--спросил Марк, отстраненно посмотрев на приятеля.

--Как где?--не понял Феликс.

--А, ну да,--сказал Марк, и если бы внезапно не увидел Ли, то наверное вновь бы погрузился в свое внутреннее состояние, которое переполняло его.

Ли действовала на Вагнера отрезвляюще. Когда она находилась рядом, он больше не думал ни о чем, кроме как о ней. Когда ее рядом не было, он продолжал думать о ней. Эта девушка подчинила его себе. И при этом совсем не требовала от него, чтобы он находился рядом. Тогда как сама все время ждала его. А может и не ждала. Но когда он приходил - Вивьен оказывалась всегда рада ему, и - как казалось Марку - жаждала исполнить любое его желание.

Пока такие желания у Марка простирались в области секса. Но он знал, что через время насытившись Ли, у него появится и другое чувство к этой девушке. Потому как уже сейчас он угадывал, что помимо постоянного желания обладать Ли, в душе Марка рождалось и что-то еще. Любовь? Марк Вагнер не думал о любви. Для него просто было очень важно, чтобы Ли всегда была с ним. Важно любить ее. Важно обладать ей. Важно, чтобы Ли продолжала ему подчиняться. Причем, как угадывал Марк, желание подчиняться исходило от самой Вивьен. Она словно бы и не понимала, как может быть еще иначе. Она была так воспитана, эта маленькая китайская девушка, Вивьен Ли, из провинции Хэнань, и города Лоян, что на западе провинции. Марк помнил как Вивьен смеялась, что ее город превышает по количеству жителей Санкт-Петербург. Хотя девушка и полюбила Питер (как она его ласково называла, немного коверкая слова). Кстати, Марк действительно раньше не знал ничего о Ли. А тут она сама ему все рассказала. Ну не все, как понимал Марк, но как бы основное.

Но вот для Марка любая информация о Ли уже как бы не могла вытеснить того огромного желания видеть эту девушку

всегда рядом с собой. И он знал, чтобы ни случилось - они будут вместе.

--Ты влюбился...--загадочно протянул Феликс.--Ты действительно влюбился,-- констатировал факт Феликс.--И мне кажется, девушка тебя тоже любит.

Марк Вагнер посмотрел на приятеля несколько удивленно.

--Откуда ты знаешь?--спросил Марк.

--Ну как же?--изумился Феликс.--Ведь судя по всему, любовь действительно взаимна. Ведь сколько ты о ней мне уже говоришь? Причем видно, что вы общаетесь. А если бы ты был девушке безразличен, стала бы она с тобой столько общаться?

--Верно,--кивнул Марк, и тоже задумался. Он думал сейчас над тем, что совсем забыл, когда они встретятся с Ли. Думал, как ему сказать Феликсу, что никакой Вивьен Ли на самом деле не было. Что все это лишь его образ. Образ той, которую он хотел все время встретить, но теперь уже понял, что не встретит никогда. И в том, что это будет так, оказалась виновата... Ли. Потому что появившись впервые в фантазиях Вагнера, она словно бы изменила его жизнь. Явно очертив ту грань между реальностью и ирреальностью происходящего, во время которой он, собственно, и мог бы кого-то встретить. Кого-то, но не ее. И он...

--Жаль что ее нам самом деле нет,--грустно произнес Феликс.

--Что?--не понял Марк.--Что ты сказал?

--Я говорю, жаль, что Вивьен Ли не существует,--грустно произнес Феликс.--Я ведь тоже успел уже влюбиться в нее. И знал бы ты, что когда вспоминаешь о Ли, как мне становится больно...

--Больно?--не понимал Марк. Точнее, он понимал, но до конца не хотел верить, что...

--Что Вивьен с нами больше нет,--перебил его мысли грустный голос Феликса.

--Да,--кивнул Марк Вагнер, впервые за долгое время признавшись и себе, что девушку мечты он в очередной раз потерял. До этого были другие девушки. И как сейчас понимал Марк, он точно также считал их девушками мечты. Но проходило время. У Марка Вагнера изменялись вкусы. И он менял этих виртуальных девушек на новых. И ведь самое важное,-- как успокаивал себя Марк Вагнер,-- что никоим образом он никому из этих девушек не причинял боль. И расставание с ним - на этих девушках никак не сказывалось. Ведь...

--Ведь их не было,--закончил за него Феликс Костелло, и приятели, обнявшись, зашагали по жизни вместе. Они давно уже любили друг друга. И очередная попытка сменить ориентацию оказалась вновь, как и раньше, провальной. А значит...

--А значит, мы будем вместе,--улыбнулся Феликс, и Марк Вагнер согласно кивнул, решив, что на какое-то время это действительно будет так.

Он так и не расстался с мыслью, что ему еще удастся встретить девушку мечты. Но Феликсу он об этом говорить не стал. Чтобы не расстраивать того...

Сергей Зелинский

18 апреля 2008 г.

© С.А.Зелинский. Чудеса, или
ирреальность жизни.

